

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 1½ руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

~~438~~ ~~35~~ ~~64~~ A 139
36

№ 15. ІЮНЬ 1844.

~~159~~
~~260~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Иностранная Словесность.* Маріанна Эстерлингъ. — *Науки и Художества.* Калькутта. — *Смѣсь.* Давида Ленорманъ, парижская Сивилла. — *Змѣи,* изслѣдованія доктора Шлегеля. — *Нѣсколько дней проведенныхъ на ледяныхъ вершинахъ Монъ-Блана.* При этомъ номерѣ приложенъ портретъ дѣвочки Ленорманъ, парижской Сивиллы.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.

XX
T

1844

OTRPPETOB
CHIP

Small, faint text block, likely a preface or introductory text.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копѣекъ.

Журналъ

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 15. ЮНЬ 1844.

Современная Исторія

и

Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату минушаго Юня въ 12 день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено:

«Указомъ Нашимъ 1842 года Апрѣля 2 дня, дозволили Мы помѣщикамъ крѣпостныхъ людей своихъ обращать въ обязанные крестьяне, съ надѣленіемъ ихъ участками земли въ пользованіе за условенныя повинности. Считаю полезнымъ тѣмъ изъ адѣльцевъ, кои сами пожелаютъ увольнять своихъ Печерговыхъ людей безъ земли, также за условенныя повинности, доставить къ тому возможность, обезпечивъ точное исполненіе означенныхъ повинностей особенными мѣрами взысканія, — признали Мы за благо, согласно съ представленіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ, постановить слѣдующія для того правила:

1) Владѣльцамъ, желающимъ отпустить дворовыхъ своихъ людей на волю безъ земли, дозволяется заключать съ ними, по обоюдному согласію, договоры о

платежѣ сими послѣдними особыхъ суммъ, въ одинъ или нѣсколько сроковъ, или же ежегоднаго оброка по смерти владѣльца, или на опредѣленное число лѣтъ.

2) Договоры сіи, какъ и самыя отпускныя, писаны у крѣпостныхъ дѣлъ или домашнимъ порядкомъ, за руками свидѣтелей, не менѣе двухъ, на гербовой бумагѣ въ 90 коп. сереб., или хотя и на простой, но со взысканіемъ цѣны гербоваго листа, и вносить въ книги у крѣпостныхъ дѣлъ, въ которыя вносятся отпускныя, на основаніи 1063, 1064 и 1065-й статей Свода Законовъ о состояніяхъ (тома IX изд. 1842 года).

3) Отпущенныхъ такимъ образомъ на волю считать навсегда свободными отъ крѣпостнаго состоянія со времени заключенія договора и выдачи отпускной, наравнѣ съ другими вольноотпущенными, отъ коихъ они ни въ чемъ не должны быть отличаемы.

4) Въ случаѣ несправности въ платежѣ такимъ вольноотпущеннымъ слѣдующихъ по договору суммъ, предоставляется владѣльцу взыскивать оныя черезъ посредство мѣстной полиціи изъ всякаго движимаго и недвижимаго имущества вольноотпущеннаго, преимущественно передъ всѣми казенными и частными долгами и повинностями; при несостоятельности же его къ немедленному платежу, брать его въ рекруты и выдавать за него прежнему владѣльцу квитанцію, съ правомъ представить оную къ зачету за свое имѣніе, или же, буде онъ не владѣетъ такимъ имѣніемъ, за которое могъ бы представить квитанцію къ зачету, продать оную другому, по желанію.

5) Если подобныя люди окажутся совершенно неспособными къ военной службѣ, то поступать съ ними

ми какъ несостоятельными къ платежу разныхъ пеней, по силѣ примѣчанія къ 74-й статьѣ Свода Уголовныхъ Законовъ (тома XV изд. 1842 года), а именно: отдавать въ заработки частнымъ лицамъ, или отправлять въ крѣпостныя работы.

6) Для предупрежденія всякаго недоразумѣнія со стороны дворовыхъ людей, принимающихъ на себя какія-либо обязанности по договорамъ съ своими владѣльцами, объявлять имъ въ присутственныхъ мѣстахъ о строгости сихъ мѣръ взыскаія, каждый разъ при внесеніи тѣхъ договоровъ въ книгу у крѣпостныхъ дѣлъ.

7) Независимо отъ сего, въ дополненіе 1066-й статьи законовъ о состояніяхъ (тома IX изд. 1842 года), владѣльцамъ дозволяется писать отпускныя, со включеніемъ въ нихъ условія, чтобы они воспріяли свое дѣйствіе послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы двороваго человѣка у своего владѣльца.

8) Подобныя отпускныя должны быть совершаемы или являемы у крѣпостныхъ дѣлъ на основаніи существующихъ нынѣ правилъ.

9) Отпущенные на волю люди, съ условіемъ остаться еще нѣсколько времени въ услуженіи прежнихъ своихъ владѣльцевъ, во все время нахождения у нихъ, до полученія совершенной свободы, должны числиться по прежнимъ ревизскимъ сказкамъ за тѣми же владѣльцами, которые обязаны платить за нихъ и всѣ подати и повинности.

10) Съ окончаніемъ сроковъ ихъ службы, они поступаютъ въ совершенно свободное состояніе, и тогда только подчиняются всѣмъ правиламъ, какія существуютъ, или впредь будутъ постановлены вообще о припискѣ вольноотпущенныхъ въ городскіе цехи и другія сословія, а равно воспользуются и всѣми льготами, въ отношеніи разныхъ повинностей, наравнѣ съ другими вольноотпущенными.

11) Хотя послѣ сего они и могутъ оставаться у прежнихъ своихъ владѣльцевъ въ услуженіи, но не иначе, какъ люди свободнаго состоянія, по собственному согласію, на общихъ о наймѣ правилахъ.

12) Владѣльцы, кои впредь, на какомъ бы то ни было основаніи, будутъ отпускать дворовыхъ своихъ людей на волю, освобождаются отъ платежа за нихъ казенныхъ податей и земскихъ повинностей, не ожидая новой ревизіи, съ слѣдующей за отпускомъ половины года, считая, впрочемъ, сей срокъ для тѣхъ, кои будутъ увольняемы съ заслугою извѣстнаго времени прежнему владѣльцу, не со дня выдачи отпускной, а, по силѣ 10-го пункта настоящаго указа, со

времени поступленія ихъ въ совершенно свободное состояніе.

13) За симъ дворовые люди, кои будутъ впредь отпускаемы на волю, избавляются отъ рекрутской повинности, на основаніи существующихъ постановленій (т. IV, Св. Уст. Рекр. ст. 13-й п. 16-го), до новой ревизіи; если же ревизія послѣдуетъ прежде истеченія 10-ти лѣтъ, со дня отпуска, то на 10 лѣтъ.

14) Равнымъ образомъ освобождаются они, до новой ревизіи, и отъ платежа податей и другихъ денежныхъ повинностей; тѣмъ же изъ нихъ, кои приписутся къ мѣщанскимъ обществамъ, давать льготу отъ казенныхъ податей, равно личныхъ и денежныхъ городскихъ повинностей и службъ, вмѣсто двухъ (Св. Зак. о состояніяхъ, тома IX, ст. 496), на шесть лѣтъ, начиная съ слѣдующей послѣ приписки ихъ половины года.

15) Все, что въ настоящемъ указѣ постановляется о дворовыхъ людяхъ, относится только къ тѣмъ, кои записаны таковыми въ послѣднюю народную перепись, безъ распространенія на тѣхъ, кои переведены съ пашни во дворъ помѣщиками послѣ того времени.

О приведеніи сей Нашей воли въ надлежащее исполненіе, повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать зависящія отъ него распоряженія.»

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Дѣлъ Царства Польскаго, рассмотрѣвъ внесенный по Высочайшему повелѣнію Военнымъ Министромъ всеподданнѣйшій докладъ объ увольненіи, въ случаѣ неспособности по болѣзни, въ отставку военныхъ нижнихъ чиновъ изъ дворянъ Царства Польскаго, служащихъ по наборамъ, находитъ, что изданнымъ въ 1836 году закономъ о дворянствѣ въ Царствѣ Польскомъ, прежніе родовые дворяне края сего, оставлены, въ отношеніи къ обязанностямъ по службѣ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ они до тѣхъ находились, и въ слѣдствіе того продолжаютъ подлежать очередной военной службѣ, съ обязанностію прослужить сокращенный для нихъ 10-ти лѣтній срокъ. Но на тотъ случай, когда прежде онаго дворяне сии, за доказанными болѣзнями, по усмотрѣнію начальства, признаны будутъ къ продолженію службы неспособными, — положительнаго правила ни въ упомянутомъ законѣ, ни въ Сводѣ военныхъ постановленій не имѣется.

Усматривая, что представившіеся нынѣ по сему случаю вопросъ, относится не къ пменуемымъ только дворянами, но къ такимъ, кои дворянское состояніе ихъ по происхожденію отъ предковъ, бывшихъ

въ дворянствѣ до изданія закона 1836 года, докажутъ установленнымъ въ законѣ порядкомъ, Департаментъ принялъ къ соображенію, что, по правиламъ сего закона, одно внесеніе въ прежніе воеводскіе шляхетскіе списки, признано недостаточнымъ; но доказательствами дворянства по роду приобрѣтеннаго до изданія помнутаго закона, принимаются: а) Грамоты Государей, или конституціи сеймовъ о пожалованіи дворянства и герба, и б) акты, удостоверяющіе, что лицо, доказывающее дворянство, или предки его, имѣли княжеское, графское или баронское достоинство, и притомъ когда права лица на означенные титулы были въ свое время рассмотрѣны бывшимъ Сенатомъ Царства; в) акты удостоверяющіе, что лицо, доказывающее дворянство, его отецъ, дѣдъ, или прадедъ были до 1795 г. первыми чинами Королевства, Членами Сената и проч., какъ о томъ подробно постановлено въ I-й и IV-й главахъ закона 1836 года.

Лица, на основаніи таковыхъ доказательствъ признанныя по происхожденію отъ предковъ дворянами, сверхъ прочихъ, со вступленіемъ въ очередную военную службу, присвоенныхъ имъ преимуществъ, представляются въ оной къ производству въ оберъ-офицерскіе чины на вакансіи, наравнѣ съ дворянами Имперіи.

По симъ соображеніямъ, Департаментъ съ своей стороны думаетъ, что едва ли согласно было бы съ мыслию о важности дворянскаго достоинства, если бы утвержденные въ ономъ родовые дворяне Царства вовсе изъяты были отъ общаго, не только для дворянъ Русскихъ, но и для вольноопредѣляющихся изъ другихъ состояній въ Имперіи, правила, въ 1349-й ст. V тома Военныхъ постановленій изъясненнаго, по которому за доказанными разными болѣзнями, могутъ они быть увольняемы въ отставку прежде опредѣленныхъ сроковъ.

Съ другой стороны Департаментъ не могъ оставить безъ вниманія и справедливаго замѣчанія Военнаго Министра, что дворяне Русскіе вступаютъ въ службу по собственному желанію; а родовые дворяне Царства подлежатъ очередной военной службѣ съ обязанностію, даже и по производствѣ въ офицеры, прослужить 10-ти лѣтній срокъ.

Посему, дабы сохранить нѣкоторое различіе и при увольненіи ихъ въ отставку въ вышеозначенномъ случаѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ устранить всякій поводъ уклоняться, подъ видомъ болѣзни, отъ обязанности прослужить опредѣленный закономъ срокъ, Департаментъ *положилъ* постановить нижеслѣдующія правила:

1) Дворяне Царства Польскаго, установленнымъ порядкомъ доказавшіе дворянство ихъ по происхожденію отъ предковъ, бывшихъ въ дворянствѣ до изданія положенія о дворянствѣ 1836 г., состоя въ военной службѣ по наборамъ, какъ въ нижнихъ чинахъ, такъ и по производствѣ въ оберъ-офицеры, могутъ быть увольняемы въ отставку прежде выслуги положеннаго для нихъ 10-ти лѣтняго срока, только въ такомъ случаѣ, когда за доказанными разными болѣзнями, по усмотрѣнію начальства, признаны будутъ къ продолженію строевой службы неспособными.

2) Уволенные на семъ основаніи дворяне, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ состоявшіе, преимуществами въ 4-мъ пунктѣ 44-й статьи означеннаго положенія по военной службѣ имъ присвоенными, воспользуются не прежде, какъ когда, поступивъ снова на службу, дослужатъ въ оной положенный 10-ти лѣтній срокъ.

3) Нижніе чины изъ дворянъ Царства, поступающихъ въ службу по наборамъ, уволенные на основаніи 1-го пункта сихъ правилъ въ отставку прежде срока, должны быть одинъ разъ въ годъ собираемы и свидѣтельствуемы, мѣстными по жительству ихъ, Гражданскими Губернаторами и рекрутскими присутствіями (Делегациями).

4) На Губернаторовъ сихъ по принадлежности, возлагается обязанность, тѣхъ изъ вышеозначенныхъ нижнихъ чиновъ, которые окажутся могущими продолжать строевую военную службу, обращать въ оную для дослуженія опредѣленнаго срока. — Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 8 Іюня.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ телеграфической депешѣ изъ Тулона сообщено, что Принцъ Жоанвильскій, послѣ пятидневнаго переѣзда, прибылъ въ Оранъ. Въ то же время получена изъ Марсели другая телеграфическая депеша, заключающая въ себѣ слѣдующее донесеніе Генераль-Губернатора Алжиріи Военному Министру, изъ Ушды въ Марокко, отъ 19 Іюня: «16 Іюня, я извѣстилъ мароккискаго главнокомандующаго, что выступлю противъ Ушды, но что я предлагаю ему еще условія, объявленныя мною перелъ сраженіемъ 15 числа. Онъ отвѣчалъ миролюбиво, но уклончиво. 19 числа вступилъ я въ Ушду, не обнажая шпаги. Мароккскія войска, наканунѣ вечеромъ, отступили въ величайшемъ безпорядкѣ. Между предводителями господствовалъ раздоръ, а между солдатами всякая дисциплина прекратилась. Этотъ небольшой корпусъ арміи ка-

жется расторгшимся. Ушда будетъ пощажена. 21-го числа я выступлю оттуда обратно и уведу съ собою около 150 уроженцевъ Тлемсена и оставшихся отъ Деиры, которые силою были здѣсь задержаны и желаютъ послѣдовать за нами». — Ушда, — окруженное стѣнами своихъ садовъ и защищенное большою крѣпостью мѣстечко, — есть первый пограничный съ Алжиріею городъ Мароккской Имперіи. Онъ лежитъ только въ двухъ или трехъ часахъ пути отъ алжирской границы, и въ шести отъ Лалла Маграніи, гдѣ находится лагерь Маршала *Бюжо*, и откуда 9 часовъ пути до Тлемсена. Притязанія Франціи на спорную границу основываются на мѣстности и на историческихъ преданіяхъ. Но Мароккцы требуютъ, чтобы Французы очистили лѣвый берегъ Тафны и удалились бы на правый, что составляетъ разстояніе пяти часовъ пути далѣе на востокъ отъ спорной границы. По мнѣнію Французовъ, Алжирская область должна оканчиваться на западѣ у мыса Малоніи, на устьѣ небольшого ручья; земли по рѣкѣ Малоніи, и всѣмъ ея притокамъ принадлежали бы къ Марокко, а земли по Тафинѣ и ея притокамъ — къ Алжиріи. Ручей Мулла, близъ котораго разбитъ лагерь Французовъ, стекаетъ съ горы Ушды и впадаетъ въ Тафну. Это была бы западная граница; юго-западную образовывали бы степи Ангада. Гора и вся область, лежащая подъ меридіаномъ Тлемсена, принадлежатъ къ Алжиріи; это западная Сагара, въ которой разбросаны небольшіе промышленные и мирные города. Въ этой области живетъ союзное съ Франціею арабское племя Уледъ-Сиди-Шейкъ, котораго столица есть Эль-Абидъ, и которое, сверхъ того, имѣетъ еще около десяти городковъ. Изъ нихъ Фарекъ, на пути изъ Фигунга въ Тафле, есть отдаленнѣйшій. Эта полоса земли отъ мыса Малоніи до Фарека, по увѣренію Французовъ, принадлежала всегда къ Алжиріи, такъ какъ она нѣкогда, по раздробленіи царства Алмогавдовъ, преемниковъ Алморавидовъ, присоединена была къ султанству Тлемсенскому. Когда Тлемсенъ занятъ былъ Французами, нѣкоторые племена горнаго округа Джебиліи выдали себя за Мароккцевъ, не признавая прежде долгое время власти ни Турціи, ни Марокко. А какъ они прочимъ племенамъ доставляли убѣжище и помощь, то Генераль *Бедо* рѣшился ихъ покорить. Маллуки, Сну, Мансуры и другіе были наказаны, Кефъ-Сну, укрѣпленная скала, къ которой Турки никогда не отваживались приблизиться, взята приступомъ, и все народонаселеніе подпало подъ владычество Французовъ. Это случилось два года тому назадъ; съ-тѣхъ-поръ по настоящее вре-

мя мароккское правительство не предъявляло притязаній ни на одну часть нынѣшней Тлемсенкой области. — Въ Ушдѣ считаютъ до 1,000 чел. жителей, отчасти мавританскаго, отчасти арабскаго происхожденія. Городъ имѣетъ мечеть и три часовни, посвященные разнымъ Марабу. Дома, построенные изъ земли, низки и представляютъ жалкій видъ, улицы кривы и усыпаны камнями. Кассоба (крѣпость), въ которой живетъ кандъ округа, охраняется въ обыкновенное время только 12 солдатами; но если бы даже въ ней былъ сильнѣйшій гарнизонъ, то, по плохому своему положенію, она и тогда не выдержала бы осады. Обильный источникъ близъ Ушды поддерживаетъ въ продолженіе всего года зелень въ садахъ, въ которые вода изъ него проведена по употребительной у Арабовъ превосходной системѣ орошенія. Противоположность съ дикостію окрестныхъ мѣстъ придаетъ чрезвычайную привлекательность этимъ огородамъ и садамъ, которые изобилуютъ дынями, арбузами, вѣчно-зелеными плодовыми деревьями, виноградомъ, оливками и фигами. Ушда есть оазисъ въ степи Ангада, начинающейся по ту сторону рѣки Малуи, въ 40 часахъ пути отъ Тлемсена, на пути въ Фецъ. Какъ въ Алжирскомъ Ангадѣ, простирающемся на югъ отъ Тлемсена, встрѣчаются и здѣсь мѣстами орошенные водою и способные къ обработкѣ оазисы; но зато вся прочая страна представляетъ страшный видъ дикости, особенно лѣтомъ; всѣ ручьи тогда иссыхаютъ; проходя 6 и 8 часовъ, не встрѣчаютъ воды, которою караваны должны всегда запасаться отъ станціи до станціи. Въ это время года не возможно предпринять здѣсь воинскихъ операцій, чѣмъ объясняется объявленіе въ вышеупомянутой депешѣ Маршала *Бюжо*, что онъ очиститъ Ушду и воротится въ область Тлемсена. Лица, которыхъ Маршалъ хочетъ взять съ собою изъ Ушды, суть бывшіе переселенцы изъ Тлемсена, задержанные, по повелѣнію *Абдель-Кадера*, въ Марокко. Въ то время какъ Генераль-Губернаторъ выступилъ противъ Ушды, Генераль *Ламорисьеръ* съ частію своей дивизіи двинулся назадъ по направленію къ Маскарѣ для защиты южныхъ и юго-западныхъ областей, охраняемыхъ сверхъ того колоннами, въ Себду, Сайдѣ и Тиаре, на границѣ малой пустыни, противъ нечаянныхъ нападений *Абдель-Кадера*, который съ нетерпѣніемъ выжидаетъ случая, чтобы вторгнуться въ провинціи Оранъ. Впрочемъ, всѣ племена этихъ провинцій сохраняютъ спокойствіе; ни малѣйшаго признака мятежа не обнаружилось между ними, когда мароккская армія угрожала границамъ и внутренность

страны была оставлена безъ войскъ. Впрочемъ, всѣ пужныя мѣры приняты, чтобы защитить всю страну по границѣ Сагары. Генераль *Тампуръ* находится въ строящейся крѣпости Себу, въ 12 часахъ пути на югъ отъ Лалла Маграніи; Полковникъ *Эйнаръ* въ другой строящейся крѣпости Сайба, 15 часахъ на югъ отъ Маскары. Генераль *Маре* займетъ позицію въ Тиаре. Такъ-какъ главныя дороги Телла и лучшія лагерныя мѣста Сагары находятся въ ихъ власти, то имъ возможно будетъ отразить *Абдель-Кадера*, гдѣ бы онъ ни показался, или отрѣзать ему отступленіе, если ему удастся обмануть ихъ бдительность, и вторгнуться въ плодоносную землю. Сверхъ того, колонна командующаго въ Мостаганемѣ Генерала *Буржоли* охраняетъ область Флиттовъ между Тагтемпомъ и Верхней Миной, готовая, въ случаѣ нужды, обратиться на Сайду или Тиаре. Полковникъ *Кавеньякъ* въ центрѣ, въ Орлеанвилѣ на Шелфѣ, служитъ резервомъ для колоннъ въ Теніе Эль-Габъ и Тиаре. Батальонный начальникъ *Боскъ* командуетъ въ Тлемсенѣ небольшою подвижною коллоною, которая проходитъ по области во всѣхъ направленіяхъ, чтобы разныя племена постоянно видѣли Французское войско, чтобы вѣрныя изъ нихъ не теряли бодрости, а слабыя оставались въ повиновеніи. Генераль *Тьерри*, командующій въ Оранѣ, составляетъ конвой и отправляетъ назначенныя въ лагерь Маршала подкрѣпленія. Наконецъ Полковникъ *Пелисье* выступилъ съ 1,500 человекъ изъ Орана, для охраненія Нижней Тафны и для содержанія въ спокойствіи округа Недромы.

— Изъ Испаніи пишутъ, что съ прибывшимъ изъ Барселоны курьеромъ получено извѣстіе, что туда привезено письмо мароккскаго Императора съ отвѣтомъ на ультиматумъ испанскаго правительства. Посредничество Англии не достигло своей цѣли и внушило только Мароккцамъ ложную мысль, что они могутъ полагаться на ея содѣйствіе и могутъ безнаказанно вызвать на бой испанское правительство. Письмо Императора написано въ столь гордыхъ и обидныхъ выраженіяхъ, что оно походитъ на объявленіе войны. Въ слѣдствіе того Министръ-Президентъ, Генераль *Нарваесъ*, сообщилъ дипломатическому корпусу, находящемуся въ Барселонѣ, что переговоры прекращены и что теперь предстоитъ начало непріязненныхъ дѣйствій. Любопытно знать, удастся ли теперь стараніямъ англійской дипломатики предупредить ихъ? Разрывъ между Франціею и Марокко удвоиваетъ затруднительное положеніе испанскаго правительства, которос, конечно, не желало бы видѣть во власти

Франціи африканскій берегъ, лежащій насупротивъ южныхъ испанскихъ провинцій. Маркизь *Вилума*, во время краткаго своего министерства, почти ежедневно совѣщался объ этомъ предметѣ съ французскимъ посланникомъ. Полагаютъ, впрочемъ, что бомбардированіе котораго-нибудь изъ мароккскихъ портовъ испанскими или французскими кораблями, только усилитъ въ Мароккцахъ желаніе войны и поведетъ, можетъ быть, къ низложенію Императора и къ возведенію на тронъ *Абдель-Кадера*.

Иностранная Словесность.

МАРИАННА ЭСТЕРЛИНГЪ.

Перенесемтесь въ одинъ изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ городовъ Шотландіи. Въ уединенной улицѣ, примыкающей къ прекрасному парку, вы увидите мрачное зданіе, античной архитектуры; главная комната нижняго этажа, въ которой происходитъ дѣйствіе нашей повѣсти, соответствуетъ совершенно фасаду дома. Эта комната чрезвычайно высока и обширна; потолокъ, украшенный лѣпными фигурами, опирается на тяжелые карнизы. Ряды полокъ, уставленныхъ книгами, унижаютъ одну стѣну съ верху до низу, тогда-какъ другая увѣшана гравюрами, портретами и коллекціею акварельныхъ пейзажей. На мраморномъ чернаго цвѣта каминѣ разложены минералы, модель паровой машины и чучелы птицъ, прикрытыя стекляннымъ колпакомъ. Въ комнатѣ, вмѣсто рѣшетки, поставленъ вновь приготовленный химическій приборъ. Коверъ заваленъ книгами, журналами, планами и бумажными свитками. На полу, возлѣ электрической машины, стоятъ два глобуса; на зеркальномъ столикѣ поставлено нѣсколько бронзовыхъ статуекъ, группа Нюбы и ея дѣтей; тутъ же видите флейту изъ чернаго дерева, микроскопъ и стеклянную вазу съ полевыми цвѣтами.

Въ комнатѣ два стола. На одномъ поставленъ богатый попиртъ и ящикъ съ красками, и разбросано нѣсколько рисунковъ; другой покрытъ книгами, между которыми виднѣется тяжелый фоліантъ сочиненій Платона и экземпляръ новаго изданія сочиненій Ксенофонта.

Передъ этимъ столомъ сидитъ владѣлецъ комнаты. Конечно, вы представляете его дряхлымъ старикомъ, который, какъ говорятъ, одной ногой стоитъ въ гробу и ищетъ въ наукахъ забвенія счастливыхъ прошлыхъ дней. Но вы ошибаетесь. Владѣлецъ этой разнохарактерной комнаты, студентъ, молодой человекъ, которому едва минуло двадцать лѣтъ. Онъ сидитъ въ мягкомъ креслѣ, съ высокой спинкой, протянувъ ноги къ камину, и опершись головою на руку, сравниваетъ портреты Сократа, оставленные намъ Ксенофонтомъ и Платономъ. Пока онъ занимается своими учеными разысканіями, — познакомимся съ нимъ покороче.

Базиль Мей — человекъ слабого сложенія; его лице, не смотря на нѣкоторую неправильность, довольно выразительно; въ глазахъ видны мечтательность, и безпечность. Его отецъ, протестантскій священникъ, въ одномъ изъ значительныхъ мануфактурныхъ городовъ сѣверной Англіи, имѣлъ порядочное состояніе и могъ спокойно предаваться своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Лишившись жены вскорѣ послѣ рожденія своего единственнаго сына, онъ сосредоточилъ на немъ всю свою нѣжность и посвящалъ его воспитанію все свободное время. Способности ребенка развернулись очень рано; чтеніе книгъ и бесѣды съ отцемъ развили въ немъ какой-то серьезный характеръ.

Базиль сдѣлался человекомъ страннымъ, дикимъ, углубленнымъ въ самого себя, неловкимъ и нелюбимымъ въ обществѣ, котораго онъ и самъ избѣгалъ. Когда онъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, отецъ его умеръ, оставивъ ему имѣніе, приносящее доходу двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и еще значительную сумму денегъ, отданныхъ какому-то банкиру. Хотя онъ еще не слылъ тогда совершеннолѣтнимъ, но отецъ его такъ полагался на его благоразуміе и добрую нравственность, что, въ завѣщаніи своемъ, предоставилъ ему полное право пользоваться наслѣдствомъ.

Смерть отца такъ поразила Базіля, что его разстроенное здоровье едва могло поправиться. Съ потерей отца онъ лишился единственнаго друга, съ которымъ

дѣлился и мыслями и чувствами. Съ переменною обстоятельностью, онъ долженъ былъ вступить въ нѣкоторыя сношенія съ свѣтомъ; но любовь къ уединенію заставляла его искать отрады и развлеченія въ однихъ наукахъ, и онъ оставлялъ свои книги только для уединенныхъ прогулокъ.

Въ семнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ, но не съ тою цѣлью, чтобъ получить дипломъ или занятъ выгодное положеніе въ свѣтѣ; онъ не имѣлъ никакого честолюбія; его состояніе было совершенно обеспечено; онъ желалъ только увеличить свои познанія. Наука никогда не казалась ему трудною, она составляла единственное удовольствіе его жизни. Онъ учился безъ правилъ и методы, такъ, какъ ему хотѣлось. Его постепенно занимали то живопись, то поэзія, то музыка, то языки, философія и исторія. Какъ скоро которое-нибудь изъ этихъ занятій ему надоѣдало, онъ переходилъ къ другому, какъ настоящій эпикуреецъ.

Какъ диссидентъ, онъ не имѣлъ права учиться математикѣ и греческому языку въ Англіи, и долженъ былъ рѣшиться вступить въ одинъ изъ университетовъ шотландскихъ. По пріѣздѣ въ избранный имъ городъ, онъ плѣнился тишиною и уединеніемъ той улицы, гдѣ мы его видѣли; тотчасъ же нанялъ комнату у двовъ мистрисъ Эстерлингъ и выписалъ изъ Англіи свои книги, которыми убралъ свое уединенное жилище.

Записавшись въ университетъ, онъ не оставилъ своей прежней привычки; по нѣкоторымъ предметамъ онъ дѣлалъ быстрые успѣхи, между-тѣмъ-какъ по другимъ отставалъ отъ своихъ товарищей. Онъ всегда былъ привѣтливъ и ласковъ съ тѣмъ, кто начиналъ съ нимъ разговаривать, но не искалъ общества и даже старался не имѣть никакого дѣла съ товарищами. Онъ издерживалъ значительную сумму на покупку книгъ, по никогда не проживалъ всѣхъ своихъ доходовъ. Излишекъ онъ считалъ уже собственностію другаго, и многіе бѣдные студенты получали отъ него деньги на содержаніе, хотя никто изъ нихъ не могъ подозрѣвать, что они обязаны этимъ холодному и неприступному Англичанину, который жилъ какъ волкъ и ни чѣмъ не интересовался.

Въ шотландскихъ университетахъ курсы продолжаютъ только зимою, а весну и лѣто студенты обыкновенно проводятъ въ своихъ семействахъ. Но Базиль только во время каникулъ ѣздилъ домой въ ту страну,

которую, годъ тому назадъ, онъ покинулъ такъ неохотно. Чтò удерживало его въ городѣ, для него совершенно чуждомъ, читатели узнаютъ это со временемъ.

Но пора возвратиться въ комнату, гдѣ мы его оставили съ его Платономъ и Ксенофонтомъ. Вдругъ отдаленные аккорды военной музыки привлекли его вниманіе: онъ прислушивался къ нимъ съ удивленіемъ, не понимая откуда они взялись въ такомъ уединенномъ кварталѣ. Вскорѣ другіе звуки поразили его слухъ, и его щеки покрылись румянцемъ, глаза заблестали отъ удовольствія. Эти звуки были для него пріятнѣе всякой мелодіи: это были легкіе и быстрые шаги по корридору. Черезъ нѣсколько секундъ, робкою рукою постучали въ его дверь. Онъ всталъ, отворилъ дверь, въ нее выпрыгнула хорошенькая молодая дѣвушка. Лице ея было одушевлено, въ глазахъ сіяла радость.

— Добрый господинъ Мей, сказала она, позвольте мнѣ посмотреть изъ вашего окна, какъ солдаты идутъ на смотръ. Ахъ, какая прекрасная музыка!... подъ ея звуки, невольно воспламеняешься храбростію.

Еще не успѣла она кончить этихъ словъ, какъ уже отдернула отъ окна занавѣсъ и съ дѣтскимъ любопытствомъ выглядывала изъ-за него на улицу. Мей всталъ подлѣ нея и началъ смотрѣть на проходившихъ солдатъ, хотя его занимала только музыка, которую онъ могъ бы такъ же хорошо слышать и сидя въ креслахъ.

— Какой чудесный воинственный видъ! продолжала дѣвушка: они, вѣрно, должны быть счастливы въ этихъ блестящихъ красныхъ мундрахъ.

— О! конечно, миссъ Эстерлингъ, и Тамбуръ-мажоръ долженъ быть счастливѣе ихъ всѣхъ, потому что онъ статнѣе всѣхъ и мундиръ его пестрѣе чѣмъ у прочихъ.

— Право, вы никогда не пропустите случая посмѣяться надъ тѣмъ, чего нѣтъ въ вашихъ книгахъ.

За этимъ послѣдовало довольно долгое молчаніе.

— Но неужели вы не чувствуете никакого удовольствія, слушая эту чудесную музыку? спросила молодая дѣвушка.

— Напротивъ, я вполне раздѣляю вашъ восторгъ.

— Вслушайтесь, какая нѣжная и меланхолическая мелодія: мнѣ такъ и хочется плакать.

— Какое ребячество! миссъ Эстерлингъ.

Прелестная улыбка смѣнила задумчивость на лицѣ молодой дѣвушки.

— Надо признаться, господинъ Мей, сказала она,

обратившись къ Базілю: вы странный человекъ, у васъ нѣтъ ни вкуса, ни порядка. Что вамъ за охота такъ разбрасывать всѣ эти хорошенькія книги, которыми вы, кажется такъ восхищаетесь; почему вы не приведете ихъ въ порядокъ?

— О! причина этому очень простая. Въмѣсто того, чтобъ терять время на размѣщеніе ихъ по полкамъ, мнѣ гораздо пріятнѣе употребить это время на чтеніе. Кромѣ того, я никого къ себѣ не принимаю, потому и книги мои никому не мѣшаютъ; а имъ такъ же хорошо лежать на стульяхъ и коврѣ, какъ и на полкахъ.

— Я не стану спорить съ вами, а все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи, и даже вчера еще я воспользовалась вашимъ отсутствіемъ и приказала Женни убрать немного вашу комнату.

— Я замѣтилъ это, потому-что она перерыла всѣ мои бумаги, повыдергала замѣтки изъ книгъ и переставила на другое мѣсто химическій аппаратъ, который я приготовилъ для опыта. Я вижу, что вы всѣ въ заговорѣ противъ меня. Съ-этихъ-поръ каждый разъ, какъ придется мнѣ итти со двора, я буду ставить свою электрическую машину такъ, чтобъ ударъ ея поразилъ Женни, только-что она взойдетъ въ мою комнату.

— Какой ужасъ! господинъ Мей. Надѣюсь, что вы не будете такъ злы. Это что за книга? какая толстая! какія уродливыя буквы! Это по-еврейски?

— Нѣтъ, по-гречески. Это сочиненіе Платона. Вы знаете его по имени?

О, да! Платоническая любовь.... Не правда ли, здѣсь говорится объ ней?

— Да, въ этой книгѣ кой-гдѣ писано и объ ней.

— Ну, закройте ее поскорѣе и пойдемте со мною на смотръ. Я непремѣнно хочу его видѣть.

— Но какое отношеніе между смотромъ и платоническою любовью?

— Никакого. Но нашъ жилецъ, господинъ Гульдсвортъ, просилъ меня ѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ въ кабріолетѣ.

Базиль потупилъ глаза и поблѣднѣлъ.

— Мнѣ кажется, миссъ, сказалъ онъ наконецъ, вы хорошо сдѣлаете, если согласитесь на предложеніе господина Гульдсворта. А я останусь здѣсь и срисую для васъ вотъ эти цвѣты, покуда они еще не увяли.

— О, я могу и сама кончить этотъ рисунокъ; онъ не къ спѣху. Я хочу непремѣнно итти съ вами. Смотръ

будеть прекрасный; это говорилъ господинъ Гульдс-
вортъ.

Базиль замолчалъ и глаза его неподвижно устре-
мились въ землю; онъ какъ-будто бы окаменѣлъ. Нѣ-
сколько минутъ молодая дѣвушка смотрѣла на него съ
нѣжностью и съ какимъ-то безпокойствомъ, потомъ
своей маленькой ручкой коснулась его руки и приба-
вила:

— Вы такъ блѣдны сегодня! кажется, вы нездоровы.
Пойдемте въ паркъ. Эти книги совершенно раз-
строятъ ваше здоровье. Какая прекрасная погода! не-
бо такъ чисто! Мы пройдемся по зеленымъ бере-
гамъ рѣки. Я люблю гулять съ вами, господинъ Мей:
вы такъ много знаете, и всегда рассказываете мнѣ
такія прекрасныя вещи.

Базиль вздохнулъ и согласился на требованіе своей
молодой собесѣдницы.

— Я не заставляю долго ждать себя, сказала дѣвушка:
я сейчасъ буду готова. Она убѣжала. Молодой
человѣкъ перешелъ въ свою спальню, чтобъ пригото-
виться, между-тѣмъ миссъ Эстерлингъ уже успѣла на-
дѣть шляпку, перчатки, шаль, и уже перевертывала
въ его кабинетъ таинственную греческую книгу.

Они вышли. Ихъ прогулка продолжалась до пяти
часовъ.

Они любили другъ друга, но не признавались въ
любви. Оба были молоды и выросли вдали отъ свѣ-
та. Этотъ день былъ для Базиля невыразимо счастливъ.

Уже полтора года Базиль жилъ въ домѣ мистриссъ
Эстерлингъ, и нужно было время, чтобъ дойти до той
короткости, какая была между нимъ и Маріанной. Сначала
онъ былъ такъ опечаленъ смертію отца и разлукою съ
родиною, что едва замѣчалъ прекрасную дѣвушку, съ
которою иногда встрѣчался на лѣстницѣ, въ саду или
въ паркѣ. Мало-по-малу онъ сталъ замѣчать ея кра-
соту и восхищался ею какъ артистъ; иногда онъ ри-
совалъ ея портретъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ
какимъ срисовывалъ цвѣтокъ или мѣстоположеніе. По-
знакомившись съ нею короче, онъ узналъ ея умъ и
сердце и полюбилъ ее; но это была не страстная лю-
бовь, а тихая, нѣжная привязанность.

Онъ очень уважалъ мистриссъ Эстерлингъ. Она бы-
ла женщина степенная, вѣжливая и добрая. Съ пер-
ваго на нее взгляда, въ ней замѣтно было страда-
ніе, которое она переносила съ твердостью, не тре-
буя отъ другихъ ни участія, ни состраданія; всматри-

ваясь въ нее болѣе, можно было замѣтить, что на ду-
шѣ ея лежало тяжелое горе. Она имѣла такія же рели-
гіозныя убѣжденія, какъ и Базиль, и почти никого къ
себѣ не принимала, кромѣ приходскаго священника,
доктора Д. который былъ коротко знакомъ съ отцемъ
нашего молодого Англичанина.

Базиль часто навѣщалъ священника, который жилъ
вмѣстѣ съ сестрою, женщиною умною и любезною.
Однажды докторъ Д. пригласилъ своего юнаго друга
и Маріанну на чай. Базиль ужасно встревожила мысль,
что ему нужно проводить хозяйскую дочь. Правда, къ
этой тревогѣ присоединилось какое-то удовольствіе,
когда она пошла съ нимъ подъ-руку; но онъ чувство-
валъ такое замѣшательство, что не зналъ какъ завести
рѣчь съ своею спутницею. Вѣроятно, въ продолженіе
всей дороги, онъ не проговорилъ бы ни одного слова,
если бы вывѣшенная въ одномъ магазинѣ гравюра не
заставила его противъ воли сдѣлать какое-то замѣча-
ніе. Разговоръ завязался и Базиль приведенъ былъ въ
восхищеніе своею милою собесѣдницею. Вечеромъ го-
ворили объ литературѣ и о Вальтеръ-Скоттѣ, и нашъ
молодой студентъ, благодаря сестрѣ доктора, которая
всегда умѣла разсѣять его робость, безъ всякой за-
стѣнчивости выказалъ свой умъ и краснорѣчіе.

Удивленіе и восхищеніе попеременно выражались
на лицѣ Маріанны; то вдругъ эти чувства смѣнялись
грустною задумчивостію и ревностью, когда Базиль
обращался съ искреннимъ уваженіемъ къ сестрѣ па-
стора.

Возвращаясь домой, нашъ молодой студентъ пред-
ложилъ Маріаннѣ зайти въ паркъ и погулять подъ
высокими деревьями. Ночь казалась имъ восхититель-
ною.

Съ этого дня они очень часто видѣлись другъ съ
другомъ и проводили время въ дружеской бесѣдѣ. Ба-
зиль давалъ Маріаннѣ книги, любовался ея цвѣтами,
доставалъ ей цвѣточные сѣмена и помогалъ ей садить
ихъ. Потомъ каждый день они ходили вмѣстѣ смот-
рѣть, какъ вырастаютъ ихъ любимыя цвѣтки; по-
томъ дарили другъ другу рисунки, и въ хорошую по-
году ходили вмѣстѣ срисовывать окрестныя мѣстополо-
женія; наконецъ Маріанна не ходила уже безъ Ба-
зиля ни на гулянья, ни въ магазины.

Легко отгадать, что изъ этого вышло. Они еще ни
къ кому не имѣли склонности; суетность, удовольствія,
честолюбіе свѣта имъ были неизвѣстны. Оба жили уе-

диненно, оба желали открыть свое сердце. Любить
другъ друга было единственнымъ ихъ желаніемъ, пра-
виться другъ другу — цѣлю всѣхъ ихъ дѣйствій.

Если счастье существуетъ на землѣ, то его, конеч-
но, надо искать въ подобной любви. Но гдѣ же розы
безъ шиповъ? Базиль былъ ревнивъ; малѣйшій намекъ
на достоинство какого-нибудь другаго мужчины приво-
дилъ его въ отчаяніе. Гульдсвортъ, молодой денди,
также постоялецъ мистриссъ Эстерлингъ, былъ въ
Шотландіи представительнымъ лицомъ и товарищемъ
одного знаменитаго торговаго дома въ Ливерпулѣ. Отъ
нечего дѣлать, онъ ухаживалъ за хозяйскою дочерью,
которой, какъ ему казалось, онъ дѣлалъ честь своимъ
вниманіемъ. Хотя Маріанна старалась быть съ нимъ
всегда только холодно-учтливою, однако же знакомство
ихъ сильно тревожило бѣднаго студента. Онъ ужасно
мучился, когда молодой денди раскланивался съ Марі-
анною на лѣстницѣ, или когда гулялъ съ нею въ са-
ду и выпрашивалъ у ней цвѣтокъ. Когда шеголеватый
молодой человѣкъ, красиво приглаженный, одѣтый по
последней модѣ, мчался на улицѣ въ прекрасномъ
тюльбурѣ, Базиль не могъ никогда удержаться, чтобъ
не воскликнуть: возможно ли, чтобъ женщина съ здра-
вымъ разсудкомъ могла плѣниться такимъ фанфарон-
ствомъ или такими вещами, которыя всякой глупецъ
можетъ купить за нѣсколько гиней въ модномъ мага-
зинѣ? Неужели Маріанну такъ легко соблазнить такими
бездѣлками?

Можетъ быть, миссъ Эстерлингъ находила иногда
удовольствіе въ томъ, чтобы подумали, будто бы шеголь-
ство молодого денди имѣетъ для нея прелесть. Прият-
но видѣть, какъ любимое нами существо боится поте-
рять нашу любовь, которая для него дороже жизни.

Къ тому же Базиль иногда нарочно выхвалялъ до-
стоинства пасторской сестры, и потому надо было
отплатить ему за это чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Бѣдная Маріанна такъ часто плакала, когда думала,
что эти похвалы чистосердечны. Какъ же можно бы-
ло ей не отомстить за свои тайныя страданія?

Часто все это поселяло между ними холодность, но
отуманенное небо скоро прояснилось, и эти скорбныя
минуты еще болѣе давали имъ чувствовать всю глуби-
ну ихъ любви. Часы примиренія и раскаянія были
такъ употелы! Но вскорѣ ревность, повидимо-
му болѣе основательная, наполнила сердце Базиля
такимъ тяжкимъ страданіемъ, что всѣ прежнія его

подозрѣнія казались ему совершенно ничтожными въ
сравненіи съ пылѣвшимъ, когда его отношенія къ
Маріаннѣ сдѣлались еще болѣе короткими. Онъ замѣ-
тилъ, что одинъ господинъ, который былъ извѣстенъ
какъ одинъ изъ главныхъ мануфактуристовъ того го-
рода, гдѣ онъ родился, приходилъ иногда къ мистриссъ
Эстерлингъ. Его звали Варворкъ; онъ былъ женатъ,
но не имѣлъ дѣтей. Репутація его была очень дурная
и всѣ думали, что онъ ведетъ безпорядочную жизнь.
Цѣлый годъ спустя послѣ того, какъ онъ поселился
въ этой квартирѣ, Базиль замѣтилъ этого человѣка за
нѣсколько мѣсяцевъ назадъ: ему казалось, что онъ по-
сѣщалъ Гульдсворта; но послѣ двухлѣтняго пребы-
ванія въ Шотландіи, когда страсть его была въ самой
сильной степенности и когда онъ довольно часто сталъ
посѣщать хозяйку, онъ со страхомъ замѣтилъ, что Вар-
воркъ посѣщалъ не Гульдсворта, а хозяйку и ея дочь;
онъ еще замѣтилъ, что обѣ дамы и гость ихъ стара-
лись скрывать эти посѣщенія въ особенности отъ него;
и если онъ печально заставлялъ ихъ вмѣстѣ, всѣ трое
приходили въ замѣшательство, которое не предвѣщало
ему ничего хорошаго, на лицѣ Варворка замѣтно
нетерпѣніе и отвращеніе, мистриссъ Эстерлингъ блѣд-
нѣла какъ смерть, Маріанна краснѣла и не могла
говорить ни слова.

Вся эта таинственность пугала Базиля, поселяла въ
немъ ревность и отчаяніе. Ученіе его утомляло и
онъ по цѣлымъ часамъ предавался горькимъ мечтані-
ямъ и забывалъ раскрытыя предъ нимъ книги. Въ
первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ необходи-
мымъ заняться не для своего удовольствія, а для раз-
влеченія грустныхъ мыслей; наконецъ онъ сталъ пе-
много успокоиваться; любовь накопила магическое по-
крывало на все то, что его тревожило. Базиль старался
себя увѣрить, что всѣ его подозрѣнія происходили отъ
его чрезвычайной ревности, и мысль, что онъ обижалъ
ими Маріанну, еще болѣе усилила его любовь.

Наконецъ последовала откровенность, и всѣ эти не-
приятности смѣнились увѣренностію во взаимности. Час-
то миссъ Эстерлингъ проводила вечера въ кабинетѣ
своего друга, занималась работою, сидя подлѣ него,
какъ сестра, между-тѣмъ-какъ онъ учился.

Долгіе разговоры прерывали часто ихъ занятія, и
Базиль игралъ иногда на флейтѣ или просилъ Маріан-
ну, чтобъ она спѣла какой-нибудь романсъ.

Не нужно говорить, что молодой студентъ ничего

не скрывалъ отъ своей подруги; онъ ей повѣрилъ исторію своего дѣтства, свои мимолетныя впечатлѣнія, свою радость и свое горе; нужды нѣтъ, если она и не понимала иногда его философіи, онъ сообщалъ ей всё мнѣнія и свои и чужія.

Его подруга была такъ же откровенна, только никогда не говорила о своихъ отношеніяхъ къ Варворкѣ и очень осторожно говорила о своемъ семействѣ. Она ограничивалась неяснымъ разсказомъ о своемъ отцѣ, который былъ начальникомъ какой-то фабрики. Поведеніе его не всегда было безпорочно: онъ бросилъ свою жену и дочь и далъ имъ очень бѣдное содержаніе.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла Базилія и Маріанны, когда случилось происшествіе, которое должно было рѣшить ихъ участь! Одинъ старый библіоманъ умеръ; его наследники рѣшились продать его библіотеку и молодому студенту захотѣлось итти на торгъ, назначенный въ домѣ покойника, миль за десять отъ города. Базиль отправился туда и сказалъ, что цѣлый день не будетъ дома; но на дорогѣ онъ узналъ, что продажа отложена до другаго дня, и онъ пошелъ обратно домой. Когда онъ подходилъ къ своей уличкѣ, его поразила прекрасная походка молодой дѣвушки, которая шла подлѣ-руку съ какимъ-то немолодымъ и высокымъ мужчиною. Сердце у него забилось, ноги задрожали, голова закружилась: эта талія, эта походка, эти свѣтлорусые волосы—это была Маріанна. Онъ ускорила шаги, опередилъ гуляющихъ, быстро оглянулся и увидѣлъ Маріанну, которая улыбалась Варворкѣ.

Маріанна, увидѣвъ его, была поражена какъ громомъ. Она поблѣднѣла и судорожно опустила вуаль; крупныя слезы полились изъ глазъ. Варворкѣ удивилась, отчего произошло вдругъ это замѣшательство; онъ сталъ смотрѣть вокругъ себя, увидѣлъ Базилія, смутился самъ и увлекъ скорѣе свою спутницу въ другую улицу.

Молодой студентъ не могъ сойти съ мѣста, — такъ онъ былъ пораженъ! Потомъ побѣжалъ, самъ не зная куда. Что происходило въ его душѣ, того нельзя выразить; страшныя мысли вихремъ неслись въ его головѣ; бѣшенство овладало имъ; онъ проклиналъ всѣхъ тѣхъ, кто попадался ему на дорогѣ: веселый видъ ихъ казался ему насмѣшкою надо его горемъ. Наконецъ онъ очутился передъ своимъ домомъ, взбѣжалъ на лѣстни-

цу, потомъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь ключемъ, бросился на диванъ и предался своему отчаянію.

(Окончате въ слѣдующемъ номерѣ.)

Науки и Искусства.

КАЛЬКУТТА.

Устья большихъ рѣкъ всегда бываютъ загромождены либо подводными камнями, покрытыми толстымъ слоемъ наносной земли, либо песчаными мелями, которыя каждый годъ измѣняются отъ быстрого теченія рѣки и отъ морскихъ приливовъ и отливовъ, либо, наконецъ, илистыми наносами, которые образуютъ какъ-будто пограничную линію между прѣсными водами рѣки и солеными водами океана. Это явленіе представляетъ и Гангъ. Принимая въ себя болѣе двадцати большихъ рѣкъ, Гангъ, осмыю рукавами вливается въ Бенгальскій заливъ; здѣсь онъ катитъ такую бурливую массу воды, что его ложе, въ главномъ устьѣ, такъ же не ровню, какъ ложе какого-нибудь горнаго потока. Когда въ мрачную, дождливую июльскую ночь, корабль приближается къ этому устью, то приходитъ въ довольно затруднительное положеніе, пока не лвится къ нему на помощь лоцманъ съ двѣнадцатыя безстрашныя ми *ласкарами*. Среди рифовъ и песчаныхъ мелей, при сильныхъ порывахъ вѣтра, для мореплавателя, котораго качиваетъ съ головы до ногъ и дождемъ и пѣнистою волною, нѣтъ другаго путевода, кромѣ лота и блестящихъ огней, зажигаемыхъ, черезъ каждые полчаса, на сторожевыхъ судахъ, ближе или далѣе отъ берега, смотря по времени года.

Эти бенгальскіе огни производятъ фантастическій эффектъ: то вдругъ освѣтятъ они какой-нибудь корабль, который плесется на всѣхъ парусахъ и мгновенно исчезаетъ изъ глазъ, какъ призракъ, среди поч-

ныхъ тѣней, то заблестятъ вдали, какъ одинокія звѣзды, и сверкнувъ на гребнѣ пѣнистаго вала, тонуть въ морскихъ пучинахъ. Ихъ зажигаютъ на сторожевыхъ судахъ. На этихъ судахъ, по нѣскольку лѣтъ проживаютъ туземные лоцмана, и изучаютъ прихотливые извороты залива,—эту опасную и обманчивую дорогу, по которой они должны проводить корабли въ фарватеръ рѣки.

Миновавъ опасности залива, не тотчасъ входите въ прозрачную, спокойную рѣку, съ прекрасными зелеными берегами: прежде чѣмъ станете любоваться очаровательными видами, къ которымъ пріучили насъ восточные кипсеки, надо обогнуть островъ Сагоръ и просія дѣсомъ сундарійскія дебри, которыя тянутся на пятьдесятъ-пять мѣ. Почти вся эта пустыня изрѣзана тысячу ручьевъ и протоковъ, съ соленою водою, которые, переплетаясь другъ съ другомъ, образуютъ непроходимый лабиринтъ. Песчаный и черноземный грунтъ здѣсь совершенно не способенъ къ обработкѣ, какъ доказали тридцатилѣтнія безплодныя усилія плантаторовъ. Такимъ образомъ, эта страна, съ перваго раза привѣтствующая Европейцевъ, которые пріѣзжаютъ въ Бенгалъ, до-сихъ-поръ остается совершенно пустынею, гдѣ царствуютъ кровожадные звѣри, а особенно тигръ.

Извѣстно, какой ужасъ наводитъ на Бенгальцевъ этотъ властелинъ ихъ лѣсовъ; но существа трехъ разрядовъ смѣло проникаютъ въ сундарійскія трущобы: это—дровосѣкъ, который, по инстинкту, любитъ углубляться въ чащу лѣсовъ и наслаждаться тамъ волною жизнію дикаря; индѣйскій аскетъ, который, среди безмолвныхъ пустынь, погружается въ свои созерцанія, и, наконецъ, мусульманскій факиръ, который на дѣтается на силу своихъ талисмановъ и смѣло идетъ на явную опасность. Воодушевленные фанатизмомъ, проистекающимъ изъ противоположныхъ источниковъ, аскеты и факиры здѣсь созерцаютъ божество и получаютъ отъ него откровеніе, гдѣ оно благоволитъ принимать отъ нихъ жертвы и молитвы. Дровосѣкъ приноситъ имъ пищу, и въ награду за его радостіе, пустышники, по вдохновенію, указываютъ мѣста, гдѣ онъ спокойно можетъ стучать топоромъ, не опасаясь разбудить зубастаго жителя лѣсовъ. Воркованье горлицы на сосѣднемъ деревѣ, крикъ павлина, пробѣгающаго по пробитой тропѣ, причуды попугаевъ, которые какъ-будто шути ныряютъ въ воздухъ, и спокойный, безмя-

тежный видъ природы еще болѣе усиливаютъ безопасность этихъ отшельниковъ. Въ робкой газели и въ толпѣ обезьянъ, прыгающихъ по древеснымъ вершинамъ, одинъ видитъ тварей, покоренныхъ силою талисмана, а другой—лѣсныхъ духовъ, существъ, подобныхъ челоуѣку, которыя со временемъ примутъ на себя челоуѣческую форму. Такими грезами они потѣшаются до той поры, покуда тигръ не вздумаетъ пощекотать ихъ своими когтями. Кромѣ лютыхъ звѣрей и ядовитыхъ гадовъ, сундарійскія дебри представляютъ еще важное препятствіе для поселеній: смертоносный климатъ всегда будетъ господствовать на этомъ берегу, поочередно то понимаемомъ водою, то сожигаемомъ лучами тропическаго солнца.

Между-тѣмъ, волна звучитъ плещется о берегъ, корабль плыветъ по рѣкѣ; съ той и съ другой стороны виднѣется земля. Длинное судно причалило къ кораблю; двѣнадцать Бенгальцевъ вспрыгиваютъ на палубу, раскланиваются на всѣ стороны, падаютъ на землю передъ Европейцами. Это—матросы, прибывшіе на помощь экипажу; старые моряки дружески треплютъ по плечу покорныхъ Индѣйцевъ и, какъ начальники, распределяютъ ихъ по мѣстамъ. Юнга съ удивленіемъ смотритъ на пріѣзжихъ гостей, и припоминая разсказы, слышанные имъ на бакѣ въ тихія ночи, подъ экваторомъ, мечтаетъ, что онъ попалъ уже въ ту блаженную страну, гдѣ будутъ носить его въ паланкинѣ четыре черные невольника. Корабль развѣтываетъ паруса; вѣтеръ и морской приливъ благопріятствуютъ его плаванію; опасности миновали; лоцманъ оставляетъ важный и задумчивый видъ; торжественно кличетъ слугу, брѣтается и перемѣняетъ бѣлье. Гангскій лоцманъ совсѣмъ не похожъ на своихъ европейскихъ собратьевъ, шеголяющихъ въ засаленныхъ шляпахъ и засмоленныхъ штанахъ. Бенгальскій *аркаси-сагебъ*, господинъ лоцманъ, лице очень важное, онъ не паемникъ, а чиновникъ достопочтенной компаніи; на набережной его ожидаетъ коляска; онъ настоящій джентльменъ, и, въ доказательство своего благородства, онъ отказывается отъ всякаго вознагражденія... мѣнѣе трехъ-сотъ франковъ.

По мѣрѣ удаленія отъ устья Ганга, начинаешь встрѣчать огромныя японскія суда, которыя, выходя изъ побочныхъ рѣкъ, то на парусахъ поднимаются до Калькутты, то на греблѣ спускаются къ устьямъ, по теченію рѣки. Эти громадныя ковчеги, съ крышами,

какъ прибрежныя хижины, населены, подобно китайскимъ джонкамъ, цѣлыми семействами. Здѣсь все напоминаетъ первоначальную промышленность страны; парусъ вытканъ изъ волоконъ *гипбискуса*, растущаго въ изобиліи на влажной почвѣ; деревянная лопатка, насаженная на бамбуковую трость, образуетъ весло; лоцманъ, старый, съдобородый морякъ, сидитъ на какой-то деревянной будкѣ, откуда наблюдаетъ за *дингисами*, лодочками, изъ опасенія наплыть на нихъ. Укрытый отъ солнечнаго зноя парасолемъ изъ пальмовыхъ листьевъ, бенгальскій кормчій спокойно правитъ ковчегомъ и, съ высоты своей насѣсти, любуется окрестными полями, засѣянными рисомъ. Но если стихнетъ вѣтеръ, если придется плыть противъ течения, онъ, не задумавшись, бросаетъ деревянный якорь, сколоченный изъ двухъ досокъ, съ тяжелымъ привѣсомъ камней. Какъ далеко отстало это тихое, мирное судоходство отъ быстрыхъ пароходовъ, которые съ шумомъ и стукомъ бороздятъ волны Ганга!

Въ первые годы, какъ Англичане окончательно утвердили свое владычество надъ Бенгаломъ, около 1765 года, сундарійскіе каналы; устья Ганга и ближайшія бухты, всѣ были заняты пиратами, извѣстными подъ именемъ *дакоитовъ*. Теперь осталось одно лишь преданіе объ удалствѣ этихъ шаекъ; онъ такъ же исчезли, какъ разбойники антильскіе, острововъ Зеленаго Мыса и греческаго архипелага. Образуя отдѣльную касту, подобно *коллерамъ* или ворами коромандельскимъ и *тугамъ*, пиратамъ индустанскимъ, *дакоиты* были разбойники по призванію, по состоянію и по религіи. Съ спокойною совѣстію, они грабили и убивали путешественниковъ, надѣясь угодить этимъ злодѣйствомъ своимъ богамъ. Но и теперь, когда исчезъ этотъ врагъ народнаго спокойствія, прибрежные жители не могутъ похвастаться совершенною безопасностію; у нихъ остался еще одинъ страшный и непреодолимый непріятель—климатъ. Чудный законъ природы въ раздѣлѣ ея благодатныхъ даровъ: тамъ, гдѣ человекъ почти безъ всякаго труда наслаждается всеми удовольствіями привольной жизни, онъ долженъ бороться съ смертоноснымъ вліяніемъ климата. Съ стѣпеннымъ сердцемъ подилываешь къ этимъ деревушкамъ, пріотившимся подъ прохладною тѣнью кокосовыхъ пальмъ, къ этимъ хижинамъ, разбросаннымъ по берегамъ свѣтлыхъ ручьевъ; съ какою-то грустью смотришь на прелестныя бухточки, на величественный бам-

буковый кустарникъ, кивающій своими гибкими зелеными вѣтвями, на влажныя, волнующіяся рисовыя поля, гдѣ задумчиво гуляетъ цапля и суетится надъ гнѣздомъ куропатка. Здѣсь, послѣ благословенной жатвы, почти всегда слѣдуетъ повальная болѣзнь. Дети, беззаботно играющія, весною, подъ роскошными цвѣтами жаркаго пояса, рѣдко переживаютъ этихъ любимцевъ природы: вмѣстѣ съ поблѣкшими цвѣтами, и они падаютъ жертвою заразительнаго воздуха!

Самая важная пристань на Гангѣ — это Алмазная бухта, гдѣ останавливаются корабли Остъ-индской Компаніи. Для моряковъ, эта пристань играетъ роль Эльдорадо, что-то въ родѣ острова наслажденій, который вызванъ Камозисомъ изъ глубины океана сколько для отдыха португальскихъ героевъ, столько и для разнообразія стансовъ. Здѣсь встрѣчаются толпы байдерокъ, которыя съ такимъ же усердіемъ, съ такою же готовностію, являются передъ шлюпками, пристающими къ берегу, съ какими молодыя Отантяпки приплывали къ кораблямъ Кука. Байдерки нисколько не стыдятся своихъ не очень нравственныхъ обязанностей: ободраемы жрецами Вишну, эти женщины усердно изучаютъ, въ своихъ священныхъ книгахъ, искусство прельщать. Языческая религія не въ силахъ была противостоять такому угожденію человеческимъ слабостямъ и по-неволѣ прикрыла всѣ злоупотребленія покровительствомъ боговъ.

Чѣмъ ближе подвигаешься къ Калькуттѣ, тѣмъ населеннѣе и живописнѣе становятся берега Ганга. Большая часть прибрежныхъ деревень походить на таверны, гдѣ останавливаются путешественники; сюда, какъ на рынки, окрестные жители приносятъ ананасы, лимоны, бананы, всѣ произведенія роскошной, плодородной почвы, на которой одинъ только человекъ, кажется слабымъ, безсильнымъ прозябеніемъ. Другія деревушки заселены полу-земледѣльцами и полу-моряками, которые въ хорошую погоду плаваютъ по заливу отъ Балассора до Читтагона, отъ Негу до Мадраса; но чуть покажется облачко, предвѣстникъ муссона, чуть начнутся первые порывы вѣтра, они возвращаются домой, вытаскиваютъ на берегъ разсѣянные суда, брички и шлюпки, ставятъ ихъ въ ряды, какъ телги, и на четыре мѣсяца предоставляютъ воронамъ вить гнѣзда на ихъ марсахъ. На судахъ бенгальскіе лодочники исполняютъ свои правила съ такою же точностію, какъ отшельники самаго строгаго ордена: въ во-

семь часовъ утра, послѣ омовенія, каждый находитъ на скамьѣ, возлѣ своего весла, блѣсноблѣнный рисъ на мѣдномъ блюдѣ, блестящемъ какъ коронада корвета; послѣ обѣда слѣдуетъ вторичное омовеніе; за тѣмъ собираются въ кружокъ, курятъ трубки и заводятъ бесѣду; въ это время никогда не услышите непріятныхъ разговоровъ, перемѣшанныхъ съ грубыми восклицаніями и ругательствами, какъ часто случается между европейскими матросами.

Подъ этою покорностію судьбѣ, которая всегда составляетъ вѣтшій характеръ народа, раздробленнаго на касты, Индѣецъ скрываетъ умъ дѣятельный, оборотливый и твердый; предназначенный, по самому рожденію, къ извѣстному ремеслу, всякой старается извлечь всевозможныя выгоды изъ своего занятія. Только-что успѣютъ выбросить телеграфическій знакъ, корабль тотчасъ осаждаетъ толпа мелкихъ промышленниковъ. Напрасно станете защищаться отъ незваныхъ гостей; пожалуй, они удалятся, но съ тѣмъ, чтобы украдкою подлыть снова, и вдругъ, не знаешь откуда, явится на палубѣ корабля какой-нибудь *банианъ*, въ кисейномъ тюрбанѣ на головѣ; почтительно кланяется онъ капитану, котораго узналъ съ перваго раза, и предлагаетъ свои услуги. Вмѣсто отвѣта, онъ часто получаетъ приказаніе спрыгнуть въ свою лодку; и, не говоря ни слова, онъ идетъ прочь, но такъ медленно, съ такими безчисленными саламами, что заставляетъ скоро забыть о себѣ; впрочемъ, его лодка уже далеко, онъ знаетъ, что его не бросятъ въ воду и спокойно скрывается за пушкою, въ толпѣ матросовъ. Проходитъ полчаса; является другая лодка, испещренная именами всѣхъ судовъ, которыя пользовались ея услугами; другой *банианъ* проворно взлѣзаетъ на корабль и уже шепчетъ на ухо капитану: «Не довѣряйтесь тому, онъ ужасный воръ!... но я, вотъ вамъ доказательства...» и начинаеть перебирать длинный рядъ именъ, написанныхъ на его лодкѣ. Но вдругъ выходитъ изъ своего убѣжища оклеветанный *банианъ*, и обличаетъ хвастовство своего соперника.

Послѣ всѣхъ этихъ споровъ, капитанъ отказываетъ тому и другому; является третій поставщикъ съ рекомендательнымъ письмомъ и представляетъ его капитану вмѣстѣ съ цвѣтами и плодами, — это маленький подарокъ въ восточномъ вкусѣ. Между-тѣмъ, два прежніе *баниана* заводятъ сношенія съ путешественниками и экипажемъ. Когда корабль броситъ якорь у набереж-

ной, васъ окружаютъ портные, цирюльники, продавцы раковинъ, фуляровъ и вѣровъ, и вѣрно найдутъ слушай либо сбыть съ рукъ какой-нибудь товаръ, либо выбрать кому-нибудь бороду, или надуть какого-нибудь ротозѣя. Благодаря безконечному, строгому подраздѣленію ремеслъ, всѣ находятъ занятія и каждый можетъ достать горсть риса, чѣмъ и доволенъ невзыскательный житель этихъ странъ.

Прежде, чѣмъ войдемъ въ шумную столицу, осмотримъ ея окрестности, которыя, какъ и вездѣ, гораздо прелестнѣе и веселѣе самаго города. Полюбуйтесь этими дачами, гдѣ богатый, окруженный азиатскою роскошью, Европеецъ лучше умѣетъ наслаждаться пріятностями жизни, чѣмъ какой-нибудь *набабъ*, у котораго онъ отнялъ владѣніе. Раннее солнце освѣщаетъ прелестныя павильоны, разбросанные посреди зеленѣющихъ луговъ, вдали отъ величественныхъ деревьевъ, которыя, своею свѣжею зеленью, обыкновенно маянятъ къ себѣ рои москитовъ. Лысый аистъ несется съ домовыхъ крышъ и съ вершинъ пагодъ, чтобы отдохнуть въ молчаливыхъ аллеяхъ загородной роши; онъ внимательно, разбѣреннымъ шагомъ, обходитъ всѣ аллеи и ищетъ себѣ завтрака на увлажненной росой почвѣ. Садовникъ, поклонившись на всѣ четыре стороны свѣта, спускается по широкой лѣстницѣ, къ Гангу, чтобы совершить омовеніе; потомъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, аистомъ, онъ пойдетъ по ронциамъ и цвѣтникамъ и наберетъ цвѣтовъ, изъ которыхъ сдѣлаетъ чудесныя букеты и разставитъ ихъ въ вазахъ, въ залѣ своего господина. Вотъ открываются окна; чистый, утренній воздухъ разливается по просторнымъ комнатамъ; все семейство уже на-погахъ; оно спѣшитъ на прогулку, куда пальчій зпой не заставитъ запереться дома. Вотъ прекрасныя леди несутся въ коляскахъ по оваровательнымъ мѣстамъ; молодежь мчится по дорогѣ во весь опоръ, потому-что галопъ и шагъ не въ духѣ англійскихъ рыцарей; трехлѣтній ребенокъ, верхомъ на маленькомъ бирманскомъ конѣ, прогуливается по аллеямъ, поддерживаемый слугою и гувернанткой, — это маленький князекъ, съ которымъ нянчатся, словно съ *тахзадами*, наследными принцами, въ персидскихъ сказкахъ. Когда раздѣдутся всѣ господа, отворится потаенная дверь и является слуга съ сворой собакъ разныхъ породъ, начиная съ бульдога, который по почамъ грызется съ шакалами, до скромнаго рокета, на которомъ лежитъ обязанность очищать домъ отъ

крысь. Но часы отдыха очень коротки для Европейца; владѣтель великолѣпной виллы постоянно мечтаетъ о той минутѣ, когда возвратится къ туманамъ своего роднаго острова. Европейецъ живетъ въ Индіи не для удовольствія; въ десять часовъ всѣ эти счастливые смертные принимаются за свою работу, всѣ спѣшатъ въ конторы, совѣты, суды и кабинетъ губернатора, чтобы управлять сотнями милліоновъ завоеванныхъ подданныхъ.

Калькутта раскинута по берегу Ганга, на пространствѣ двухъ льѣ; ея народонаселеніе, вмѣстѣ съ предмѣстіями, превышаетъ милліонъ. Собственно въ городѣ, *intra muros*, число жителей не болѣе шести-сотъ-тысячъ; но если включить подгородныя деревни, на пространствѣ двадцати миль, то есть, менѣе чѣмъ на семь льѣ, насчитаете до двухъ милліоновъ народа. Въ 1717 году, на мѣстѣ этого чудовищнаго города, тянулся дикій, пустынный лѣсъ, перерѣзанный лужами и озерами; здѣсь видѣлись двѣ деревеньки; хижины, разбросанныя по неровной болотистой почвѣ, были населены земледѣльцами и лодочниками. Въ то время, порабощенная Индія посылала всѣ свои богатства и произведенія въ Дели; но когда столицей этой обширной державы сдѣлался Лондонъ, дѣятельный и промышленный народъ покорился новымъ властелинамъ. Еще съ 1517 года начали показываться на водахъ Ганга португальскіе корабли, и заставили уважать и бояться себя отъ мыса Доброй-Надежды до Диу, отъ Адена до Малакки; но Англичане затмили славу своихъ предшественниковъ — и ихъ забыли.

Въ 1634 году, фирманомъ императора Шаха-Джехана, Англичанамъ было дозволено торговать въ Индіи, но не на Гангѣ, а въ Пиплеѣ, городѣ Ориссы; въ этомъ-то городѣ, вполнину затопленномъ теперь водою, они основали тогда свои факторіи. Но еще за двадцать-два года до того, Англичане успѣли завести контору въ Суратѣ, не смотря на сопротивленіе Португальцевъ; факторія въ Бендеръ-Асси подрывала торговлю Гоа. Балассоръ, некогда цвѣтущій городъ, расположенный въ глубинѣ небольшой бухты, недалеко отъ устья Ганга, обратилъ на себя вниманіе Дѣя. Дѣй понималъ всю важность открытія прямаго пути во внутреннія страны, по судоходной рѣкѣ и хотѣлъ основаться въ Мадрасѣ. Это произошло въ 1642 году; въ то же время Англичане основались на берегахъ Гугли, главнаго устья Ганга, между Португаль-

цами, Голландцами, Французами и Датчанами, которые поочередно заводили здѣсь свои конторы. Одинъ пабабъ, умирая, говорилъ своему сыну: «Смотри на эти конторы Европейцевъ, какъ на пчельные ульи, собирай медъ; но если нарушишь ихъ работу, бойся ихъ жала.» Добрый пабабъ предвидѣлъ опасности отъ этого союздства съ европейскими пчелами. Въ 1832 году произошелъ первый разрывъ между Европейцами и Моголами Португальцы просили мира, но непріятель отвергъ ихъ предложеніе; городъ былъ разрушенъ; осажденные погибли въ волнахъ Ганга, бросаясь впасть къ своимъ кораблямъ. На главномъ кораблѣ португальской флотиліи спаслись-было двѣ тысячи человѣкъ; Моголы атаковали корабль, и капитанъ, видя свое отчаянное положеніе и невозможность дать отпоръ непріятелю, взорвалъ свой корабль, и съ нимъ погибъ весь народъ.

Въ 1686 году вспыхнула другая война, къ которой подала поводъ ссора европейскихъ солдатъ съ *леонами* пабаба, на гуглійскомъ базарѣ. На этотъ разъ Англичане были счастливые своихъ предшественниковъ: они одержали верхъ надъ Моголами, но скоро принуждены были оставить свой неукрѣпленный городъ и спустились по Гангу на двадцать-шесть миль ниже. Здѣсь ихъ положеніе было гораздо безопаснѣе. Скоро Европейцы получили позволеніе построить укрѣпленія, и великій Моголъ, занятый войнами съ сильными субабанами, не обращалъ вниманія на грозные форты, возвышавшіеся кругомъ купеческихъ конторъ.

Одинъ англійскій писатель упрекаетъ своихъ соотечественниковъ, что они не умѣли выбрать выгодныхъ мѣстъ для постройки городовъ, подобно другимъ Европейцамъ; но причина этого въ томъ, что Англичане являлись въ Индіи позже другихъ. Впрочемъ, быть можетъ, это обстоятельство послужило къ ихъ пользѣ, потому-что развило въ нихъ болѣе дѣятельности, которая могла вознаградить невыгоду мѣстоположенія. Мы сказали, что въ 1717 году, Калькутта была не болѣе какъ бѣдный городокъ, окруженный болотами, лѣсами и слабо защищенный небольшою крѣпостью. Поэтому, въ 1742 году, нужно было вырыть ровъ, чтобы остановить нападеніе Маграттовъ. Этотъ воинственный народъ, раздѣленный на двѣ партіи властолюбивѣе двухъ вельможъ, — которые, возставъ противъ законной власти принца Раша-Раджи, укрѣпились одинъ въ Пуцѣ, другой въ Пагпурѣ, — признавалъ надъ собою

множество начальниковъ, почти независимыхъ другъ отъ друга, по всегда готовыхъ соединиться противъ общаго врага. Могущественный союзъ Маграттовъ разграбилъ Сальсетту и покорилъ всю страну отъ Инда до Ганга. Но скоро настала ужасная перевероть, который рѣшилъ участь Индіи. Англійская колонія едва не погибла въ началѣ этой катастрофы.

Калькутта была разрушена субабомъ Шираджиэль-Дулабомъ; крѣпость была взята, факторіи ограблены, гарнизонъ уничтоженъ или заключенъ въ темницы; несчастные колонисты спаслись на судахъ, безъ защиты и безъ пищи. Велѣдъ за тѣмъ на водахъ Ганга явились полковникъ Клэйвъ и адмиралъ Ватсонъ, чтобы отмстить оскорбленіе, нанесенное англійскому флагу. Въ январѣ 1757 года Калькутта отнята отъ Моголовъ; Гугли передался Клэйву. Клэйвъ овладѣлъ французскою конторою въ Шандернагорѣ, срылъ ея крѣпости и перевелъ жителей въ другія мѣста. Послѣ этого, Французы, лишившіеся своего главнаго поста на Гангѣ, покинули всѣ второстепенные пункты.

Клэйвъ такимъ образомъ положилъ твердое основаніе владычеству англійской Остъ-индской Компаніи на берегахъ Ганга. Отправившись въ Англію, онъ получилъ титулъ лорда-Пласси, и черезъ нѣсколько лѣтъ, по просьбѣ Компаніи, снова прибылъ въ Калькутту, въ 1765 году, и приобрѣлъ Компаніи Бенгалъ, Багалъ и Ориссу. Умная, хотя не совсѣмъ законная политика Клэйва была принята всѣми, и впоследствии слѣдовали ей безъ угрызения совѣсти.

Баснословное распространеніе Калькутты объясняется послѣдовательными завоеваніями, во время которыхъ пришли въ упадокъ всѣ главные города, лежащіе при Гангѣ и при его побочныхъ рѣкахъ. Въ Калькуттѣ сосредотчивается вся система внутренняго судоходства. Большой, восточный каналъ, впадающій въ Гангъ, у Читпурскаго моста, образуетъ какъ бы искусственное устье всѣхъ рѣкъ, развѣтвляющихся на востокъ отъ Калькутты; здѣсь проходятъ суда изъ Джеессора, той провинціи, гдѣ въ изобиліи разводится индиго. Во время наводненій, эта низменная страна почти вся покрывается водою; суда, увлекаемая быстрымъ теченіемъ, часто разбиваются о древесные пни; путешествующій браминъ, которому запрещено варить пищу на огнѣ моряковъ, какъ людей низшей касты, цѣлый день ищетъ сухаго мѣста, гдѣ бы приготовить свой скромный обѣдъ. Изобилію ручьевъ и рѣкъ, рав-

но какъ и частымъ наводненіямъ Калькутта обязана плодородіемъ своихъ окрестностей и вмѣстѣ смертоноснымъ вліяніемъ климата. Необыкновенное народонаселеніе на такомъ тѣсномъ пространствѣ разрушаетъ спасительныя дѣйствія осушенія. Кромѣ того, сильные дожди, падающіе съ половины іюня до половины октябрия, слишкомъ быстро измѣняютъ палящую, сухую температуру въ удушливо-влажную; потому до самаго наступленія зимы, испареніе водъ причиняетъ жестокія горячки. Слой наносной земли, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построена Калькутта, такъ толстъ, что на глубинѣ ста-сорока футовъ часто нельзя найти источниковъ. На шестьдесятъ футовъ подъ землею открываютъ массивные древніе пни, въ стоячемъ положеніи и съ вѣтвями; въ другихъ мѣстахъ, на глубинѣ пятидесяти-трехъ футовъ, находятъ слой каменнаго угля. Счастливые Англичане! по какому-то инстинкту они построили свою азіятскую столицу на такой почвѣ, которая, въ послѣдствіи времени, доставила имъ топливо для париходовъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

С л ѣ с ѣ .

ДѢВИЦА ЛЕНОРМАНЪ, ПАРИЖСКАЯ СИВИЛЛА.
Марія-Анна Ленорманъ родилась въ Алансонѣ, въ 1772 году. Съ раннихъ лѣтъ открылась въ ней какая-то способность предугадывать будущее. Разсказываютъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ ея предсказанія сбылись въ точности. Конечно, эти гаданія молодецкой дѣвочки были высказаны на-авось, но они рѣшили ея судьбу, указали ей выгодное мѣсто, на которомъ она могла, насчетъ легковѣрія ближнихъ, обезпечить свое состояніе. Въ 1790 году она пріѣхала въ Парижъ, и передъ ней открылось блестящее поприще для ея необыкновеннаго искусства. Она скоро приобрѣла извѣстность даже въ кругу высшаго общества. Въ тягостномъ ожиданіи грознаго будущаго, человѣкъ дѣлается малодушнымъ и легковѣрнымъ, и парижская знать, увлеченная потокомъ

революции, стала искать разрѣшенія своихъ мрачныхъ предчувствій въ искусствѣ гадалыцы.

Въ маѣ 1794 года, квартиру сивиллы посѣтили Робеспьеръ, Сень-Жюсть и Лафорсъ. «Васъ будутъ судить и казнить въ настоящемъ году» сказала имъ гадалыца, и за это суровое предсказаніе, черезъ нѣсколько дней, была заключена въ тюрьму. Въ это время, она впервые сдѣлалась известною Жозефинѣ Богарне, которой предсказала будущее величіе. Подобное предсказаніе она сдѣлала и Наполеону, который спрашивалъ ее о своей судьбѣ.

Эта знаменитая ворожея, прославившаяся своими гаданіями въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, и въ столицѣ одного изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы, умерла двадцать-пятого іюня 1843 года, оставивъ по себѣ нѣсколько томовъ сочиненій о своемъ необыкновенномъ искусствѣ и пять-сотъ тысячъ франковъ благопріобрѣтеннаго капитала. Надо прибавить, что еще при жизни она выдала за-мужъ свою племянницу, которая получила отъ нее въ приданое триста-тысячъ франковъ.

ЗМѢИ. *Изслѣдованіи доктора Шлегеля.* Докторъ Шлегель, смотритель нидерландскаго музеума, издалъ одно сочиненіе подъ названіемъ «*Физионмія змѣй*». Цѣль этого сочиненія — опровергнуть отчасти тѣ клеветы, которыми народныя предразсудки обременяютъ всѣ породы змѣй, и особенно очистить натуральную исторію отъ всѣхъ басней, которыя часто повторяются учеными изслѣдователями природы.

Въ зоологической классификаціи, пресмыкающіяся обыкновенно раздѣляются на четыре разряда, представителями которыхъ считаются черепаха, крокодилъ, ящерица и обыкновенный змѣй. Всѣ эти животныя известны подъ общимъ именемъ *пресмыкающихся*; между-тѣмъ животныя первыхъ трехъ классовъ имѣютъ ноги болѣе или менѣе развитыя; одни только настоящія змѣи совершенно лишены этихъ органовъ движенія. Можно сказать, что отличительный характеръ змѣи составляетъ продолговатое, узкое туловище, снабженное хвостомъ и покрытое чешуею, которое движется безъ помощи ногъ или лапъ, но посредствомъ изгибовъ или сжиманія и растягиванія своихъ нижнихъ частей. Одни изъ этихъ пресмыкающихся живутъ на землѣ, другія — въ водѣ. Нѣкоторыя проводятъ почти всю жизнь на деревьяхъ, а нѣкоторыя — въ норахъ и трещинахъ скалъ. Докторъ Шлегель дѣлитъ ихъ на два разряда: на *беззредныхъ* и *ядовитыхъ*, и описываетъ двѣсти-семь змѣй первого класса и пятьдесятъ-последняго. Вотъ уже опроверженіе предразсудка, который заставляетъ бояться всѣхъ змѣй вообще.

Тѣлосложеніе змѣй превосходно приспособлено къ образу ихъ жизни. Расположеніе позвонковъ сообщаетъ имъ необыкновенную гибкость. Быстрота ихъ движенія зависитъ болѣею частью отъ свойста почвы, по кото-

рой они ползаютъ; они съ трудомъ подаются впередъ на гладкой поверхности, но съ удивительною скоростію скользятъ по песку или по землѣ, покрытой сухими растеніями. Но эту скоростъ слишкомъ преувеличивали; надо замѣтить, что человекъ всегда можетъ убѣжать отъ змѣй. Во время отдыха, змѣи любятъ свертываться спирально, такъ-что одна только голова слегка выдается въ центрѣ колецъ, или просто растягиваются по землѣ, принимая тысячи различныхъ положеній.

«Очень нерѣдко» говоритъ докторъ Шлегель, «змѣи поднимаются перпендикулярно, опираясь на хвостъ; тогда туловище совершенно выпрямляется, а голова склоняется впередъ; иногда они изгибаются латинскою буквою S и надуваютъ свое горло. Боа, повиснувшій перпендикулярно на какой-нибудь вѣтви, походитъ на безжизненный трупъ. Спускаясь съ дерева или съ другаго высокаго мѣста, змѣи просто упадаютъ на землю; форма тѣла и гибкость органовъ предохраняютъ ихъ отъ всѣхъ неприятныхъ слѣдствій паденія.» У водяныхъ змѣй, стиснутый нѣсколько хвостъ дѣйствуетъ въ родѣ весла; у змѣй, живущихъ на деревьяхъ, этотъ органъ можетъ обвиваться кругомъ вѣтвей; а у тѣхъ, которые живутъ въ норахъ, хвостъ имѣетъ коническую форму, такъ-что можетъ давать направленіе и сообщать скоростъ движенію; между-тѣмъ у большей части земляныхъ змѣй хвостъ образуетъ твердую точку опоры, которая должна поддерживать все туловище, какъ-скоро змѣй вздумаетъ принять отвѣсное положеніе. Нѣкоторыя змѣи постигаютъ свою добычу прыжками и схватываютъ ее частью, а нѣкоторыя обвиваютъ ее своимъ хвостомъ; боа охватываетъ ее стѣпами своего туловища. Змѣи могутъ растягиваться и сжиматься. Случается, что они поглощаютъ животныхъ, превосходящихъ ихъ величиною. Для этого природа не только одѣла ихъ такими покровами, которые легко могутъ расширяться, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ устроила ихъ голову, что всѣ ея части способны расширяться, суживаться и принимать различное направленіе. Въ известныя эпохи, змѣй обрасываетъ съ себя верхнюю оболочку кожи. Чтобы снять съ себя эту изсохшую плену, подъ которою уже образовалась новая, змѣй начинаетъ ползать по травѣ, и посредствомъ медленнаго и постоянного тренія, старается освободиться отъ излишней ноши.

У нѣкоторыхъ змѣй хвостъ оканчивается простою коническою чешуею, болѣе или менѣе острою, либо крючковаатою; у другихъ онъ снабженъ позвонкомъ или чешуйчатыми погрешками, которыя, при движеніи змѣй, издають легкій звукъ. Нѣкоторыя боа имѣютъ пару крючковъ, которые, кажется, замѣняютъ у него ноги и способствуютъ движенію; у иныхъ близъ ноздрей находится усикъ; зрѣтонъ имѣетъ два шупальца на оконечности головы; у амодила — гребень на головѣ; у сераста — подвижные рога надъ глазами.

Кромѣ этихъ прибавокъ, змѣи совершенно не имѣютъ никакихъ украшеній; крылья, хвосты, плавательныя перья, какими украшало ихъ воображеніе древнихъ, не существуютъ въ природѣ. У нихъ нѣтъ ушей, а внутренній слуховой органъ такъ простъ, что они должны слышать гораздо хуже всѣхъ пресмыкающихся другихъ классовъ. Обоняніе ихъ тоже не отличается тонкостію. Глаза ихъ представляютъ ту особенность, что прикрыты большими, неподвижными рѣсницами, которыя какъ-будто вставлены въ выпуклую раму, состоящую изъ семи или восьми чешуекъ. Языкъ ихъ не имѣетъ тѣхъ стрѣлъ, какими вооружало его баснословіе.

По своему цвѣту, змѣи вообще представляютъ сходство съ предметами, находящимися въ обитаемыхъ ими мѣстахъ; посредствомъ этого, природа какъ-будто хотѣла защитить ихъ отъ многочисленныхъ враговъ. Между змѣями, живущими на деревьяхъ, нѣкоторыя имѣютъ такой зеленый цвѣтъ, что походятъ на листья дерева, къ которому они прицѣпляются; иныхъ трудно отличить отъ безлистной вѣтви, другихъ легко принять за краяхъ, поросшіи мхомъ. Прѣсноводныя змѣи, болѣею частью, темнаго и однообразнаго цвѣта; а морскіе, съ своимъ голубымъ и зеленымъ отливомъ, смѣшиваются съ волнами океана. Змѣи, обитающія въ пустыняхъ, бываютъ песочнаго цвѣта, болотные отличаются темнымъ отливомъ, а тропическіе, испещренные всѣми самыми яркими красками, соперничаютъ съ цвѣтами роскошнаго климата. Способность измѣнять цвѣтъ, которою владѣютъ нѣкоторыя пресмыкающіяся, какъ хамелеонъ, принадлежитъ преимущественно змѣямъ, обитающимъ на деревьяхъ.

Всѣ змѣи глотаютъ цѣлкомъ тѣхъ животныхъ, которыхъ они употребляютъ въ пищу; вотъ почему ихъ зубы устроены не для того, чтобы жевать, но чтобы умерщвлять добычу, удерживать ее и проглатывать. Эти зубы двухъ родовъ: твердые, общіе всѣмъ змѣямъ, и ядовитые. Последніе всегда бываютъ острыми и имѣютъ внутри каналъ, сообщающійся съ желѣзами, въ которыхъ скрывается ядъ. Когда змѣй нанесетъ кому-нибудь рану, ядъ, выжатый давленіемъ зубовъ, тотчасъ переливается изъ желѣзъ въ каналъ и заражаетъ ужаленнаго. Только-что выпущенный ядъ имѣетъ желтоватый и зеленоватый цвѣтъ и небольшую вязкость; но когда онъ засохнетъ, тогда дѣлается вязкимъ и липкимъ. Онъ дѣйствуетъ смертоносно только тогда, какъ смѣшается съ кровью. Впрочемъ, въ тропическихъ странахъ змѣи гораздо ядовитѣе и опаснѣе, чѣмъ въ умеренномъ полѣ. Ужаленный человекъ тотчасъ чувствуетъ сильную боль въ ужаленной части тѣла, на которой ядовитые зубы оставляютъ двѣ едва замѣтныя ранки. Эта часть цухнетъ, и вскорѣ обнаруживается воспаление; человекъ чувствуетъ слабость во всемъ тѣлѣ, его мучитъ томительная жажда; затѣмъ слѣдуетъ тошнота и рвота; давленіе сердца и обморокъ; ужаленный

лишается умственныхъ способностей. Сипія пятна, показывающіяся кругомъ раны, предшествуютъ антонову огню, который распространяется во всѣхъ членахъ и причиняетъ скорую смерть.

Змѣи принадлежатъ къ разряду ящерицъ животноныхъ. Маленькое пресмыкающееся растетъ медленно. Нѣкоторые путешественники рассказываютъ о чудовищныхъ змѣяхъ футовъ въ сорокъ длиною. Докторъ Шлегель не вѣритъ этимъ рассказамъ; по его словамъ, самыя гигантскія тропическія змѣи имѣютъ не болѣе двадцати-пяти футовъ въ длину, а въ Европѣ самыя огромныя змѣи никогда не бываютъ болѣе восьми футовъ. Есть уроды и между змѣями, какъ между людьми и всѣми животными; можетъ, напримеръ, родиться змѣй съ двумя головами, какъ кроликъ съ шестью лапами; но такіе змѣи чрезвычайно рѣдки, и едва ли кто-нибудь видѣлъ ихъ.

Змѣи, болѣею частью, любятъ выходить изъ своихъ убожищъ днемъ, во время жара; между-тѣмъ нѣкоторыя появляются только ночью. Всѣ они принадлежатъ къ классу плотоядныхъ; змѣи водяные питаются рыбою; древесныя — птицами, земляныя ѣдятъ насекомыхъ, червей, моллюсковъ, кротовъ, крысъ и кроликовъ. Нѣкоторыя змѣи, какъ напримеръ морскіе, живутъ въ обществѣ; но сухопутныя змѣи вообще любятъ независимую, уединенную жизнь. Всѣ они имѣютъ робкій и дикій характеръ, но нѣкоторые, какъ боа, могутъ сдѣлаться ручными. Только ядовитыя змѣи никогда не оставляютъ своего жестокаго характера; пойманные человекомъ, они отказываются отъ пищи и умираютъ отъ голода. Змѣи проводятъ зиму въ оубѣнѣомъ снѣгѣ; они удаляются въ свои убожища въ октябрѣ и снова появляются въ апрѣлѣ. Въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ, жиръ, одѣвающий ихъ внутренности, служитъ имъ единственною пищею; потому, когда выйдутъ изъ своей зимней спялки, они кажутся сухими и слабыми. Впрочемъ, и во всякое другое время они въ состояніи долго пробыть безъ пищи. Докторъ Трель видѣлъ двухъ гремучихъ змѣй, которые постились полтора года.

Змѣи обитаютъ на всемъ земномъ шарѣ; ихъ очень много въ жаркомъ полѣ, но въ холодныхъ странахъ они встрѣчаются рѣже. Труднобы, болота, саванны и тропическія пустыни — любимыя пріюты; но враги ихъ порода, четвероногія и птицы, препятствуютъ ихъ размноженію. Барсукъ, ежъ и всѣ плотоядныя преслѣдуютъ ихъ съ жадностію; журавль, анетъ, коршунъ, соколъ — непримиримые ихъ враги; человекъ тоже въ непрерывной враждѣ съ ними; потому они могутъ спокойно жить въ одиѣхъ пустыняхъ.

Вотъ все, что известно о змѣяхъ ученымъ изслѣдователямъ природы. Но исторія змѣй можетъ наполнить нѣсколько томовъ, если припомнить всѣ вымыслы, какими украсило ее баснословіе, и всѣ диковинныя раз-

сказы, какіе встрѣчаются иногда и у новѣйшихъ путешественниковъ.

Змѣи играли важную роль въ древности. Тысяча разнообразныхъ его свойствъ доставляли человеку матерію для безчисленныхъ аллегорій, которыми онъ украшалъ свои религіозныя идеи. Въ мифологіи самыхъ древнихъ народовъ змѣи были олицетвореніемъ злаго начала. Думають, что аллегорія древнихъ Грековъ о змѣѣ, убитомъ стрѣлами Аполлона, изображала дѣйствіе солнца на развратныя пары, разливавшіяся по землѣ послѣ наводненій. У Египтянъ змѣи были символомъ плодородія; египетскіе жрецы держали живыхъ змѣй въ храмахъ. Во второмъ вѣкѣ христіанской эры, сектанты, извѣстные подъ именемъ овигоновъ, поклонялись живому змѣю. Памятники мексиканскіе и японскіе доказываютъ, что змѣи играли важную роль въ ихъ религіозныхъ таинствахъ. Въ наше время, на западномъ берегу Африки, змѣи еще считаются въ ряду главныхъ божествъ.

Легковѣріе породило безчисленныя заблужденія, которыя обезобразили исторію змѣи. Большая часть этихъ басенъ, выдуманныхъ во время невѣжества и переданныхъ намъ классическими писателями, приобрѣли авторитетъ истины. Новѣйшіе писатели повторяютъ басню времени Аристотеля и Плинія, будто свины убиваютъ змѣй и питаются ими, будто молоко составляетъ любимое кушанье змѣи. Говорятъ, что растенія, *aristolochia indien* и *orphiorhiza mungos* прогоняютъ змѣй; по опыту Русседа доказали, что это вздоръ. Иногда рассказываютъ о морскихъ змѣяхъ чудовищной величины, о какомъ-нибудь боа въ сорокъ или пятьдесятъ футовъ длиною, который нападаетъ на человека, быка или тигра, и проглатываютъ свою добычу цѣликомъ. Эти басни напоминаютъ древніе вымыслы о крылатыхъ драконахъ и другихъ чудовищахъ. Нѣкоторые путешественники рассказываютъ о чудномъ дѣйствіи, какое производитъ музыка на змѣй. Нынѣ видѣли, какъ молодые змѣи скрывались въ пасти своей матери каждый разъ, какъ угрожала имъ опасность. Сколько есть другихъ рассказовъ о чудныхъ явленіяхъ въ мірѣ змѣй, которые, впрочемъ, существовали только въ воображеніи писателя. Кто не слышалъ о магическомъ дѣйствіи змѣи на маленькихъ животныхъ? Многіе натуралисты приняли это за истину. Много можетъ быть причинъ, которыя произвели это повѣрье въ обаятельную силу змѣи. Большая часть животныхъ, кажется, рѣшительно не знаютъ опасности, какой они подвергаются въ присутствіи такого страшнаго врага, какъ змѣи, потому что многіе взбираются на его туловище или только остаются возлѣ него. Но нельзя отвергать что животное, печально атакованное змѣею, замѣтивъ его грозныя и быстрыя движенія, приходитъ въ какой-то ужасъ и теряетъ всѣ способности, такъ-что не въ силахъ бываетъ уклониться отъ роковаго удара. Бартеиъ Смитъ приводитъ много примѣровъ, изъ которыхъ видно, что птицы не бо-

ятся гремучаго змѣи, кромѣ того случая, когда онъ приблизится къ ихъ гнѣздамъ, чтобы захватить ихъ дѣтенышей. Тогда самецъ и самка въ испугѣ, съ жалобнымъ крикомъ, летаютъ кругомъ своего врага, точно какъ дѣлаютъ наши воробьи, когда кто-нибудь остановится въ сосѣдствѣ ихъ гнѣзда. Кромѣ того, можетъ быть, животныя, которыя, въ глазахъ наблюдателя, кружились возлѣ змѣи и потомъ упали въ его пасть, были уже ранены ядовитыми зубами. Это продолженіе сообразно съ тѣмъ способомъ, какимъ ядовитыя змѣи умерщвляютъ свою добычу. Змѣи, живущіе на деревьяхъ, опутываютъ добычу своимъ длиннымъ и тонкимъ хвостомъ. Въ этомъ случаѣ, птица испускаетъ крикъ и долго бьется своими крыльями, не имѣя возможности улетѣть. Маленькія птички имѣютъ обыкновеніе преслѣдовать хищныхъ птицъ, равно какъ и другихъ неприятелей своего рода; онѣ даже летаютъ стаями кругомъ того мѣста, гдѣ скрывается предметъ ихъ ненависти. Этотъ фактъ, извѣстный всѣмъ наблюдателямъ, быть можетъ, послужилъ также основаніемъ выдумки о магической силѣ змѣи.

Нѣсколько дней проведенныхъ на ледяныхъ вершинахъ Монъ-Блана. Господинъ Грантъ, недавно посѣтившій Монъ-Бланъ, провелъ нѣсколько дней на вершинахъ этой горы, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Не смотря, что подобныя путешествія въ наше время перестали быть рѣдкостью, рассказъ ученаго наблюдателя о его путешествіи по Монъ-Блану представляетъ много любопытнаго.

«Я не имѣлъ намѣренія» говоритъ господинъ Грантъ, «отправиться на Монъ-Бланъ, потому-что не хотѣлъ подвергать ни себя, ни проводниковъ опасностямъ, соединеннымъ съ подобнымъ путешествіемъ; но два Англичанина, рѣшившіеся побывать на ледяныхъ вершинахъ горы, уговорили меня быть ихъ товарищемъ. Мы сообщили наше намѣреніе содержателю гостиницы, который тотчасъ прискалъ для насъ осьмнадцать проводниковъ. Кромѣ того, къ намъ присоединились еще шесть проводниковъ, соблазненные богатымъ запасомъ нашей провизіи и напитковъ. Мы отправились въ дорогу утромъ шестнадцатаго іюля, и, часъ спустя, мы ѣхали на мулахъ уже по склону горы. Минувавъ густой сосновый лѣсъ, одѣвающій ребра горы, мы должны были разстаться съ нашими мулами, потому-что дорога была завалена обломками утесовъ и древесными краями. Мы пошли пѣшкомъ; сначала кое-гдѣ встрѣчались еще хлысты сосны, но потомъ кругомъ насъ видѣлись лишь обнаженные утесы и кочья сухаго кустарника; въ девять часовъ мы достигли до предѣла вѣчныхъ снѣговъ.

Здѣсь я сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, чтобы опредѣлить каждодневное движеніе ледника. По моему замѣчанію вышло, что ледникъ уплываетъ около шестнадцати футовъ въ сутки.

Прежде чѣмъ мы оставили долину Шамуни, я замѣтилъ, что у всѣхъ насъ пульсъ дѣлается, среднимъ числомъ, семьдесятъ-шесть ударовъ въ минуту; но когда мы приблизились къ снѣжной линіи, это число увеличилось до осьмидесяти-двухъ; въ то же время и наше дыханіе ускорилося.

Въ десять часовъ утра мы вошли на ледникъ. Сначала нашъ путь не казался ни труднымъ, ни утомительнымъ, потому-что мы вооружались палками съ желѣзными наконечниками. Этотъ ледникъ отличается отъ всѣхъ другихъ необыкновенною чистотою льда; его трещины имѣютъ сине-зеленоватый цвѣтъ, или даже отливаютъ темно-синевую глубокой воды. Разсѣлины здѣсь имѣютъ большую глубину и широту, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ долины ширина ихъ доходитъ иногда до нѣсколькихъ сотъ футовъ, а длина простирается до одной или двухъ миль. По вычисленіямъ Соссюра, они бываютъ глубиною около шести-сотъ футовъ; но одна трещина, выѣренная мною, имѣла отъ восьми до девяти-сотъ футовъ. Во многихъ бока идутъ отвѣсно стѣны; но въ глубокихъ разсѣлинахъ спускъ изрытъ излучинами, такъ-что, при помощи веревокъ и топоровъ, можно спуститься въ нихъ безъ всякой опасности. Самыми трудными и опасными считаются тѣ, которыя имѣютъ ширину отъ 60 до 80, а глубину до 80 или 100 футовъ. Онѣ часто тянутся очень далеко, и чтобы избѣжать утомительнаго пути по ихъ окраинамъ, иногда рѣшаются переходить черезъ мосты, образовавшіеся изъ массъ обваливаемаго снѣга, которыя составляютъ нѣкотораго рода громадныя арки. Эти мосты бываютъ вообще отъ десяти до двадцати футовъ въ основаніи; но ихъ вершина съ гуживается отъ таянія и дѣлается столь узкою, что рѣшительно невозможно держаться на ногахъ; кромѣ-того, на обѣ стороны образуется покатость, какъ-будто у сѣла. По этому, при переходѣ подобныхъ мѣстъ, надо садиться на мостъ верхомъ и ползти сжимая ледъ своими колынами. Впрочемъ, всходить на эти мосты гораздо легче, чѣмъ спускаться по нимъ, когда вѣтеръ тонетъ въ ужасающей глубинѣ бездны, надъ которою виситъ.

Мы путешествовали по этимъ ледянымъ и снѣжнымъ морямъ съ десяти часовъ утра до шести часовъ вечера, когда мы дошли до горы Большихъ Муловъ (*Grands-Mulets*). До этихъ мѣстъ мы могли бы добраться по-крайней-мѣрѣ двумя часами ранѣе, если бы одна трещина, образовавшаяся въ недавнее время, не преградила намъ пути. Ширина этой трещины простирается отъ пятидесяти футовъ до четверти мили. Мы шли по ея окраинамъ, покуда не приблизились къ одному ледяному мосту, тянувшемуся на разстояніи двухъ-сотъ футовъ. Проходя по этому мосту, мы находились подъ грозными массами льда и снѣга, возвышавшимися футовъ на сто надъ нашею тропинкою. Эта сѣдня имѣла какое-то дикое величіе. Здѣсь наши проводники просили насъ сохранять глубокое молчаніе и идти со всею осторожностію. Я чув-

ствовалъ усталость, а это мѣсто представляло защиту отъ порывовъ вѣтра и отъ лучей солнца, потому мнѣ вдумалось-было здѣсь отдохнуть; но мой проводникъ ни за что не хотѣлъ согласиться на это, и указавъ на потоки воды, струившейся изъ ледяныхъ массъ, увѣрялъ меня, что онѣ могутъ обрушиться отъ легкаго сотрясенія въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, мы окончили нашъ опасный переходъ и, остановившись для отдыха, имѣли случай увидѣть всю опасность, которой могли бы подвергнуться.

Наши проводники сказали намъ, что теперь можно повѣрить ихъ слова о сильномъ дѣйствіи сотрясенія воздуха на этой высотѣ. Они принялись кричать. Сначала не замѣтно было никакого движенія; но когда они повторили свой крикъ, тотчасъ посыпались кочья снѣга и обломки льда; одинъ обломокъ упалъ съ высоты осьмидесяти футовъ и ударился о глыбу льда, которая едва держалась на своемъ основаніи, испарившемся отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Эта глыба, медленно скатывавшаяся съ своего мѣста, толкнула другую массу, и тотчасъ началась дикая и ужасная спена: глыбы катились другъ за другомъ, и неслись въ бездну съ возрастающею быстротою; ни какое препятствіе не могло остановить ихъ стремительнаго паденія; каждый толчокъ какъ-будто придавалъ имъ новыя силы, и пѣзвивъ свое направленіе, онѣ раскалывались на безчисленные обломки. Наконецъ, нельзя было ничего различить; казалась, сильный градъ и снѣгъ кружились въ необыкновенномъ вихрѣ.

Путешественники, видѣвшіе подобное явленіе изъ долины Шамуни, не могли опредѣлить величину глыбъ, падавшихъ съ вершины Монъ-Блана. Эти глыбы, если смотрѣть на нихъ съ долины, кажутся не болѣе пятнадцати или двадцати квадратныхъ футовъ въ поверхности, между-тѣмъ-какъ на самомъ дѣлѣ онѣ бываютъ отъ ста до двухъ-сотъ футовъ. На Альпахъ случаются еще обвалы другаго рода. Впервыхъ, зимній снѣгъ, неподвижной еще твердости отъ таянія и замерзанія, часто развозится горными вихрями, обыкновенными на Альпахъ. Эти обвалы увеличиваются по мѣрѣ паденія снѣжныхъ массъ и застилаютъ иногда поля на нѣсколько миль, или разрушаютъ и заваливаютъ сосновые лѣса и деревни, встрѣчающіеся имъ на пути. Другіе обвалы случаются главнымъ образомъ въ продолженіе весны и въ началѣ лѣта, въ маѣ и іюнѣ, когда снѣгъ, отъ дѣйствія солнца, получаетъ большую плотность. Они образуются изъ снѣга и льда, и причиняютъ ужасныя опустошенія.

Вѣтеръ, сопровождающій эти обвалы, всегда наводитъ ужасъ на горныхъ жителей. Они рассказываютъ много несчастныхъ случаевъ, произведенныхъ этимъ страшнымъ явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ вѣтеръ иногда вырываетъ или сламываетъ самыя огромныя деревья. Въ 1720 году, въ деревнѣ Ронда было разруше-

но нѣсколько домовъ однимъ только сотрясеніемъ воздуха, произведеннаго обваломъ, который между-тѣмъ случился за четверть мили отъ деревни.

Большими-Мулами называются два утеса, поднимающіеся надъ ледникомъ Bossons. Они имѣютъ острые вершины, а ихъ бока такъ круты, что снѣгъ не можетъ останавливаться на нихъ. Мы достигли до того мѣста уже ночью. На долинѣ была оставлена заряженная пушка, изъ которой должны были привѣтствовать наше приближеніе къ двумъ пикамъ. Такъ и было сдѣлано, но никто изъ насъ не слышалъ выстрѣла, хотя нѣкоторые проводники замѣтили клубы дыма.

Я взялъ съ собою шесть голубей, изъ голубятни содержателя гостиницы. Мнѣ вздумалось пустить двухъ, привязавъ къ ихъ лапкамъ по кусочку пергамента, на которомъ была означена минута ихъ отправленія. Я бросилъ одного на нѣсколько футовъ на воздухъ, но, къ моему удивленію, онъ завертѣлся и тотчасъ упалъ на землю. Я думалъ, что у него переломлено крыло; но опыты, произведенные надъ другими голубями, доказали намъ, что на этой высотѣ воздухъ былъ слишкомъ рѣдокъ и не могъ поддерживать тяжести голубя.

Когда мы находились на этой высотѣ, пульсъ дѣлалъ сто-двадцать-восемь ударовъ въ минуту; дыханіе ускорилося до тридцати разъ въ тотъ же промежутокъ времени. Во время движенія, мускулы утомлялись чрезвычайно скоро и дыханіе становилось отрывистымъ, следовательно болѣе или менѣе труднымъ; но это тотчасъ прекращалось послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха. Изъ этого видно, что дыханіе становится труднымъ не отъ одного разрѣженія воздуха, но еще отъ движенія въ подобной атмосферѣ. Чѣмъ выше поднимаешься на гору, тѣмъ скорѣе истощается сила мускуловъ и тѣмъ чаще чувствуешь нужду въ отдыхѣ. Сильная испарина, усталость и особое дѣйствіе атмосферы производятъ мучительную жажду; но съ тѣмъ вмѣстѣ притупляется аппетитъ, такъ-что наконецъ чувствуешь совершенное отвращеніе отъ пищи.

Мы избрали для нашего ночлега самое возвышенное мѣсто на пикахъ, оградивъ себя небольшою каменною стѣною, изъ опасенія, чтобы, во время сна, не скатиться внизъ. Долго я не могъ наслаждаться величественною

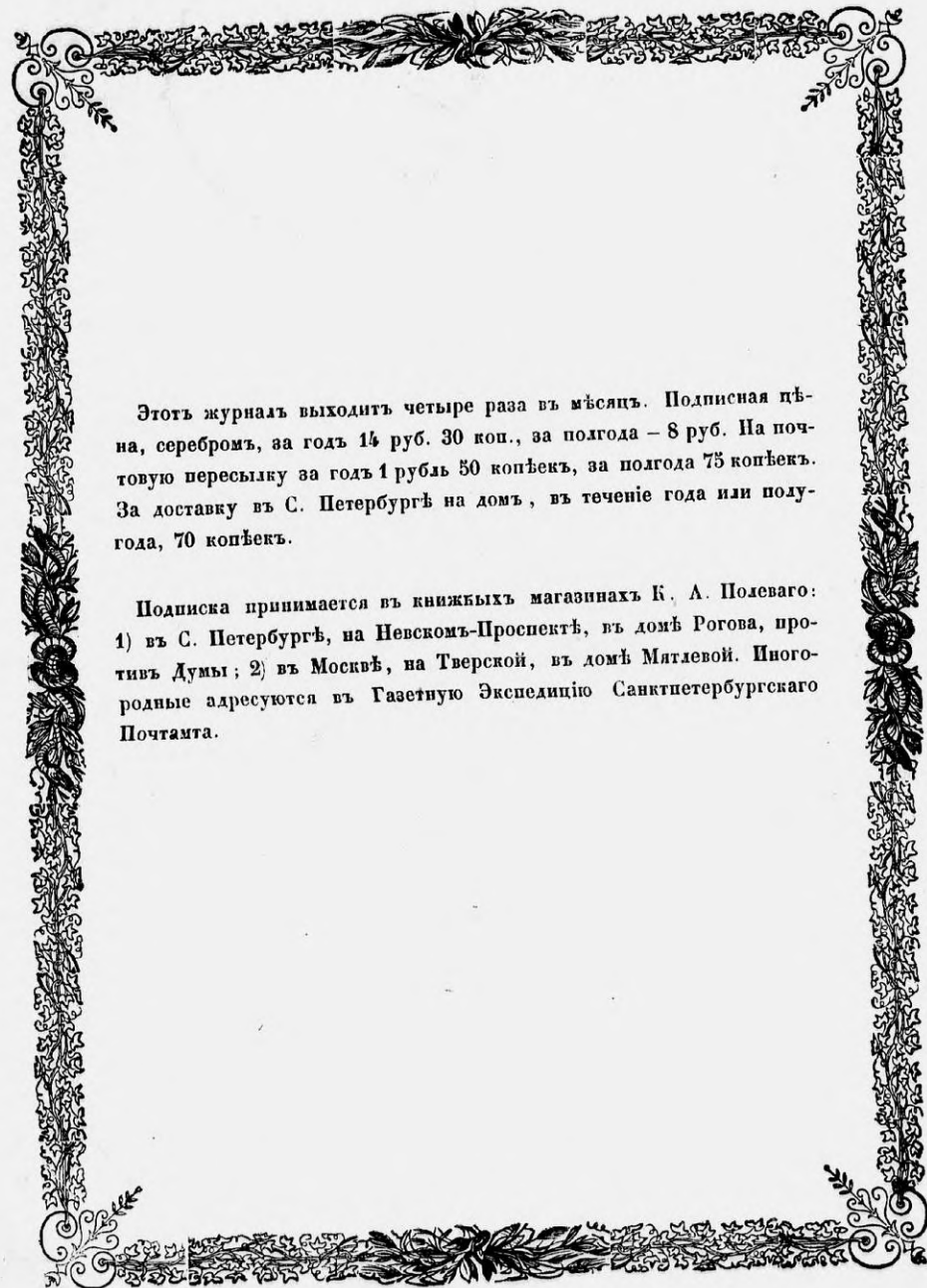
спеною тишины и безмолвія, потому-что день былъ очень жаркій, и съ наступленіемъ вечера начались обвалы. Не прошло двадцати минутъ послѣ того, какъ мы легли, и вдругъ я былъ пробужденъ ужасною трескотнею: весь утесъ затрясся какъ-будто отъ удара громадной льдины. Я всталъ и, при свѣтѣ луны, увидѣлъ массу снѣга и льда, которая неслася по склону ледника и дробилась на безчисленные обломки. Удары обваловъ продолжались цѣлый часъ, и наконецъ уступили мѣсто глубокой тишинѣ, которую лишь изрѣдка нарушалъ трескъ льда, хрустѣвшаго въ ледникахъ. Эти явленія сопровождаютъ каждый теплый день, въ продолженіе котораго вода, образуемая отъ таявія снѣга и льда, собирается у выдавшихся глыбъ и разрушаетъ ихъ основанія.

Не чувствуя дремоты, я началъ разсматривать созвѣздія, которыя блистали надъ нами какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Въ то время я не разъ замѣчалъ какой-то блескъ, который походилъ на сѣверное сіяніе и, казалось, разливался передъ моими глазами. Сначала я подумалъ, что это былъ оптический обманъ; но такъ-какъ это явленіе повторялось чаще и чаще, то я всталъ, чтобы изслѣдовать его причину. Тогда я увидѣлъ, что причиною этого была буря, бушевавшая въ долинѣ Шамуни. Я очень ясно видѣлъ блескъ молніи, разливавшейся огненными бороздами; но рѣшительно не слышалъ ни одного удара грома, что, конечно, зависѣло отъ разрѣженности атмосферы. Въ послѣдствіи, я узналъ, что громъ грохоталъ въ ту ночь въ долинѣ съ необыкновенною силою.

Мы оставили нашъ ночлегъ въ три часа утра и въ девятомъ часу были на возвышенной плоскости, откуда могли полюбоваться безконечною панорамой горъ и долинъ. Въ это время начали показываться облака, которыя выдвигались кругомъ насъ со всѣхъ сторонъ; потому мы должны были отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія и тотчасъ отправились въ обратный путь.

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Матлевой. Изъгородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

139
36

1844 М-16.

~~35~~
~~67~~

~~438~~

№ 16. июнь 1844.

159
260

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Июстраціал Слоvesность.* Маріанна Эстерлингъ, (окончаніе). — *Науки и Художества.* Калькутта, (окончаніе). — *Смѣсь.* Памятникъ Мольтеру. — Оцѣненіе воды въ красномъ морѣ. — Новѣйшія статистическія свѣдѣнія о мароккской имперіи. — Тромба въ окрестностяхъ Бельфора. — Характеристическія замѣтки о старыхъ временахъ Лондона. — Путешествіе капитана Джемсъ-Росса къ южному полюсу, въ 1839 — 1845 году. — Образованіе пещеръ, наполненныхъ костяками животныхъ. — Древніе памятники, сохранившіеся въ центральной Америкѣ.

При этомъ номерѣ приложенъ рисунокъ съ памятника Мольтера.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

ПЕЧАТ. ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ. С. С. С. Р.